

П Р А В О

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

1899 г.

№ 21.

Воскресенье 23 мая.

„Право“ издается въ С.-Петербургѣ подъ редакціей приватъ-доцента *В. М. Гессена* и *Н. И. Лазаревского* и при ближайшемъ участіи: прив.-доц. *Ф. А. Вальтера*, *И. В. Гессена*, *О. О. Грузенберга*, прив.-доц. *А. И. Каминка*, *В. Д. Набокова*, проф. *Л. Г. Петражицкаго* и *В. М. Устинова*.

Содержаніе: 1) Обь обязательныхъ постановленійхъ городскихъ думъ о праздничной торговлѣ. — *М. И. Мыша*. 2) Ссылка преступниковъ съ точки зрѣнія культуры, колонизационной и соціальной политики (окончаніе). — Проф. *Л. Г. Петражицкаго*. 3) Письмо изъ Гааги. — *В. Б.* 4) Судебные отчеты. 5) Хроника. 6) Библиографія: „Вѣстникъ Права“. Апрель 1899 г. 7) Отвѣты редакціи. 8) Справочный отдѣлъ (послѣ текста и на обложкѣ).

РЕДАКЦІЯ (Надеждинская, 7) открыта для личныхъ объясненій по воскресеньямъ отъ 1 ч. до 3 ч. дня.

Статьи, присылаемыя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Статьи должны быть присылаемы за подписью автора, съ указаніемъ его адреса. Ненапечатанныя статьи возвращаются по представленію надлежащаго количества марокъ на ихъ пересылку.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 7 руб., на полгода 4 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р. и въ первомъ мая 3 рубля. За границу за годъ—10 руб. Отдѣльные нумера продаются по 20 коп.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА (Надеждинская, 7) открыта отъ 11 час. до 4 час., кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

Отъ конторы редакціи газеты „Право“.

Съ 1 іюня редакція и главная контора будутъ помѣщаться по Дмитровскому пер., въ домъ № 6.

Въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ, съ 1 іюня по 1 сентября, приемъ въ редакціи для личныхъ объясненій будетъ происходить по субботамъ, отъ 12 до 2 часовъ.

Обь обязательныхъ постановленійхъ городскихъ думъ о праздничной торговлѣ.

I.

Городовое положеніе 16 іюня 1870 г. предоставило гор. думамъ право на изданіе обязательныхъ для городскихъ жителей постановленій о нѣкоторыхъ предметахъ городского благоустройства, перечисленныхъ въ ст. 103 гор. положенія, съ тѣмъ, чтобы эти постановленія ни въ чемъ не противорѣчили существующимъ законамъ. Означенное право не распространялось однако же на изданіе постановленій о торговлѣ въ воскресные и праздничные дни.

По этому предмету имѣлись слѣдующія постановленія закона, преслѣдовавшія цѣли предупрежденія и пресѣченія нарушенія благочинія внѣ православной церкви во время богослуженія. Именно, въ уставѣ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій существовали и понынѣ существуютъ изложенныя въ ст. 14 и 16 сего устава (изд. 1890 г.) правила

о томъ, что полиція наблюдаетъ: 1) чтобы въ воскресные или торжественные дни или въ табельные и храмовые праздники въ городахъ и селеніяхъ, прежде окончанія въ приходской церкви литургіи, торговыя заведенія (исключая тѣхъ, въ коихъ продаются съѣстные припасы и кормъ для скота) и питейные дома не были открываемы (ст. 14) и 2) чтобы во время крестнаго хода питейные дома были заперты и, кромѣ съѣстныхъ жизненныхъ потребностей, никто ничѣмъ не торговалъ до возвращенія хода въ церковь (ст. 16).

Указанную же цѣль преслѣдовала и ст. 329 уст. о пит. сборѣ (изд. 1867 г.) и два примѣчанія къ ней. Въ отношеніи городскихъ поселеній въ нихъ выражено: въ воскресные и табельные дни изъ всѣхъ питейныхъ заведеній раздробительная продажа крѣпкихъ напитковъ воспрещается въ городахъ до окончанія въ приходской церкви божественной литургіи и во время крестныхъ ходовъ. Въ городахъ предоставляется думамъ и замѣняющимъ оныя учрежденіямъ, сообразно съ временемъ окончанія

въ каждомъ городѣ божественной литургіи въ приходскихъ церквахъ, опредѣлить разъ на всегда часъ, до котораго въ праздничные и табельные дни питейныя заведенія должны быть закрыты. Постановленія, изложенныя въ ст. 329, не распространяются на трактирныя заведенія, буфеты, постоянные дворы, корчмы и почтовые станціи. Въ этомъ же видѣ изложены эти правила въ ст. 354 и примѣчанія къ ней уст. о пит. сб. изд. 1876 г., въ 511 и примѣчаніяхъ изд. 1887 г. и въ ст. 578 и примѣчаніяхъ изд. 1893 г.; лишь закономъ 8 іюня 1893 г. отмѣнено примѣчаніе 2 къ ст. 578 о томъ, что постановленія, изложенныя, между прочимъ, въ этой статьѣ, не распространяются на трактирныя заведенія, буфеты, постоянные дворы, корчмы и почтовые станціи.

Такимъ образомъ, до изданія городского положенія 1870 г. городскимъ думамъ, по предмету воскресной торговли, принадлежало, въ видахъ предупрежденія нарушенія церковнаго благочинія во время богослуженія, лишь право опредѣлить часъ, до котораго въ праздничные и табельные дни питейныя заведенія должны быть закрыты, сообразно съ временемъ окончанія литургіи въ приходскихъ церквахъ. Послѣ же этого часа означенныя заведенія, согласно правилу, изложенному въ ст. 328 (по прод. 1869 г.) устава о питейномъ сборѣ, могли производить раздробительную продажу въ городахъ до одиннадцати часовъ вечера.

Впервые право на регулированіе воскресной и праздничной торговли, и притомъ не въ интересахъ только церковнаго благочинія, а въ интересахъ вспомогательнаго торговаго персонала, признано было за столичными городскими думами въ Высоч. утв. 20 іюня 1872 г. правилахъ о примѣненіи гор. положенія 1870 г. къ столицамъ и гор. Одессѣ. Именно, въ ст. 19 этихъ правилъ выражено, что С.-Петербургской и Московской городскимъ думамъ предоставляется издавать, указаннымъ въ ст. 103—106 гор. положенія порядкомъ, обязательныя для городскихъ жителей постановленія, сверхъ предметовъ, исчисленныхъ въ ст. 103 положенія, по слѣдующимъ еще, между прочимъ, предметамъ:... п. 5) о времени открытія и закрытія торговыхъ и промышленныхъ заведеній въ воскресные и праздничные дни, съ соблюденіемъ, однако, при томъ правила, изложеннаго въ ст. 329 устава питейнаго (изд. 1867 г.). Мотивъ къ такому расширенію круга дѣятельности общественнаго управленія въ обѣихъ столицахъ, въ отношеніи изданія обязательныхъ постановленій какъ по указанному, такъ и по нѣкоторымъ другимъ предметамъ городского благоустройства, заключался въ томъ, что, по самому положенію своему, столицы должны быть поставлены въ лучшія условія и что потому требованія отъ нихъ въ семь отношеніи не могутъ не быть наиболѣе значи-

тельными *). Но не прошло и двухъ лѣтъ, какъ право столичныхъ думъ на изданіе обязательныхъ постановленій по предмету воскресной и праздничной торговли было распространено и на думы другихъ городовъ. Именно, 19 марта 1874 г. получило Высоч. утвержденіе мнѣніе госуд. совѣта, опубликованное 22 апрѣля, о дополненіи ст. 103 гор. положенія. Въ этомъ законодательномъ актѣ сказано: въ дополненіе къ ст. 103 гор. положенія постановить: „сверхъ исчисленныхъ въ сей статьѣ предметовъ городского благоустройства, городскимъ думамъ предоставляется издавать общеустановленнымъ порядкомъ (ст. 104—106) обязательныя для городскихъ жителей постановленія о времени открытія и закрытія торговыхъ и промышленныхъ заведеній въ воскресные и праздничные дни, съ соблюденіемъ, однако, при томъ правила, изложеннаго въ ст. 329 уст. питейнаго (изд. 1867 г.).

Изъ изложеннаго нельзя не видѣть: 1) что законами 20 іюня 1872 г. и 19 марта 1874 г. городскимъ думамъ предоставлено было весьма существенное право регулировать время открытія и закрытія торговыхъ и промышленныхъ заведеній въ воскресные и праздничные дни, съ тѣмъ лишь, что въ воскресные и табельные дни думы не вправе разрѣшать открытіе питейныхъ заведеній до окончанія божественной литургіи въ приходскихъ церквахъ; 2) что указанное право распространялось въ одинаковой мѣрѣ на всякія торговыя и промышленныя заведенія, а стало быть, и на питейныя заведенія и торговыя лавки, въ коихъ продаются съѣстные припасы и кормъ для скота, о коихъ говорится въ ст. 14 и 16 уст. о пред. и прес. прест., такъ какъ никакого исключенія въ пользу этихъ торговыхъ заведеній въ законахъ 1872 и 1874 гг. не сдѣлано, и законы эти, какъ позднѣйшіе, должны отмѣнять законы болѣе ранніе, съ ними несогласные, и 3) по сему городскія думы — столичныя съ 1872 г., а другихъ городовъ, гдѣ введено гор. положеніе 1870 г., съ 1874 г. получили въ установленномъ порядкѣ власть опредѣлять обязательными постановленіями время открытія и закрытія всякихъ торговыхъ и промышленныхъ заведеній въ воскресные и праздничные дни, другими словами — регулировать праздничный отдыхъ вспомогательнаго торговаго персонала, сообразно мѣстнымъ потребностямъ.

II.

Въ дѣйствительности же указанное право въ отношеніи питейныхъ заведеній и лавокъ, торгующихъ съѣстными припасами, оказалось съ теченіемъ времени миеомъ.

Питейнымъ заведеніямъ посчастливилось

*) Гор. полож. 1870 г. съ объясненіями, изд. 2-е хозяйств. департамента, стр. 244.

освободиться отъ подчиненія обязательнымъ постановленіямъ о воскресной торговлѣ.

Въ городскомъ положеніи 1870 г., включенномъ въ общее губернское учрежденіе изд. 1876 г., въ п. 13 ст. 2050, трактуемомъ объ обязательныхъ постановленіяхъ о воскресной и праздничной торговлѣ, сохранена, согласно законамъ 1872 и 1874 гг., ссылка на ст. 354 уст. о пит. сборѣ (изд. 1876 г.), соответствующую ст. 329 уст. о пит. сб. изд. 1867 г. Но въ новомъ изданіи город. положенія 1886 г. эта ссылка опущена. Именно, п. 13 ст. 103 положенія редактированъ такъ, что городской думѣ предоставляется издавать обязательныя для городскихъ жителей постановленія „о времени открытія и закрытія торговыхъ и промышленныхъ заведеній въ воскресные и праздничные дни, съ соблюденіемъ, однако, притомъ правилъ, изложенныхъ въ уставѣ о питейномъ сборѣ“. Почему кодификаторы городского положенія (изд. 1886 г.) сочли нужнымъ точное указаніе законовъ 1872 и 1874 гг. на опредѣленную статью (329 изд. 1867 г. или ст. 354 изд. 1876 г.) устава о пит. сборѣ замѣнить общей ссылкой на этотъ уставъ, намъ неизвѣстно. А между тѣмъ эта общая ссылка ограничила право городскихъ думъ на регулированіе питейной торговли въ воскресные и праздничные дни въ видахъ праздничнаго отдыха. Дѣло въ томъ, что въ уставѣ о пит. сборѣ изд. 1887 г. имѣется ст. 481 (соответствующая ст. 549 изд. 1893 г.), по которой производство раздробительной торговли крѣпкими напитками разрѣшается въ городахъ съ семи часовъ утра до 11 час. вечера, за исключеніемъ воскресныхъ и табельныхъ дней, когда она воспрещается до окончанія божественной литургіи. Хотя правило о томъ, что раздробительная продажа крѣпкихъ напитковъ разрѣшается въ городахъ съ семи часовъ утра до 11 час. вечера имѣлось и въ уст. о пит. сборѣ изд. 1867 г. (ст. 328) и изд. 1876 г. (ст. 353), но это правило было обособлено отъ постановленія о воспрещеніи таковой продажи въ воскресные и табельные дни до окончанія литургіи (ст. 329 уст. о пит. сборѣ изд. 1867 г. и ст. 354 изд. 1876 г.). Законами же 1872 и 1874 гг. думамъ вмѣнялось въ обязанность соблюдать лишь это послѣднее постановленіе, а стало быть, не будучи вправѣ разрѣшать въ воскресные и табельные дни торговлю питьями до окончанія литургіи, думы въ остальное время этихъ дней могли регулировать обязательными постановленіями время открытія и закрытія питейныхъ заведеній, согласно мѣстнымъ условіямъ и потребностямъ. Но разъ въ гор. положеніи 1886 г. сдѣлана общая ссылка на питейный уставъ, то приходится уже руководствоваться и тѣмъ правиломъ сего устава, что раздробительная продажа питей разрѣшается до 11 часовъ вечера, считая съ окончанія литургіи въ мѣстной приходской церкви. А при такомъ руководствѣ объ

обязательныхъ постановленіяхъ думы о времени открытія и закрытія питейныхъ заведеній въ указанные дни не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ время это опредѣлено въ самомъ законѣ. Слѣдовательно, признанное за думой право въ этой области является мифомъ.

Конечно, можно сказать, что въ кодификаціонномъ порядкѣ нельзя отмѣнять или измѣнять изданные законы, такъ какъ, по ст. 72 основ. зак., законъ сохраняетъ свое дѣйствіе, доколѣ не будетъ измѣненъ силою новаго закона. Но въ томъ-то и дѣло, что указанная кодификаціонная погрѣшность отразилась и на город. положеніи 11 іюня 1892 г., составители котораго усвоили редакцію п. 13 ст. 103 гор. полож. (изд. 1886 г.) съ общей ссылкой на правила устава питейнаго. Именно, п. 11 ст. 108 гор. положенія (изд. 1892 г.) изложенъ такъ: думѣ предоставляется составлять обязательныя для мѣстныхъ жителей постановленія о времени открытія и закрытія торговыхъ и промышленныхъ заведеній въ праздничные дни, а также о торговлѣ крѣпкими напитками на основаніи правилъ, изложенныхъ въ уставѣ питейномъ. Городовое же положеніе 11 іюня 1892 г. есть законъ новый, съ указаніями котораго на питейный уставъ приходится считаться, а слѣдовательно, до измѣненія ст. 549 устава о питейномъ сборѣ касательно питейной торговли до 11 часовъ вечера, думы совершенно безсильны регулировать питейную торговлю въ праздничные дни. А это можетъ отразиться очень невыгодно на регулированіи праздничной торговли вообще, изъ опасенія, чтобы свободный отъ занятій въ праздничные дни вспомогательный торговый персоналъ не слишкомъ предавался пьяному разгулу.

III.

По пути ограниченія права городскихъ думъ на изданіе обязательныхъ постановленій о воскресной и праздничной торговлѣ пошелъ и уголовный кассационный департаментъ Сената въ рѣшеніи 21 апрѣля 1898 г. № 17, по дѣлу Кузнецова. На основаніи § 2 обязательнаго постановленія С.-Петербургской городской думы, лавки и магазины, исключительно торгующіе съѣстными припасами и продуктами, а равно кормомъ для скота, могутъ, сверхъ времени отъ 12 до 5 часовъ дня, быть открыты и по утрамъ, но съ тѣмъ, чтобы они во всякомъ случаѣ не были открыты въ промежутокъ времени между 10 часами утра и 12 часами дня. Купецъ Кузнецовъ былъ признанъ С.-Петербургскимъ мировымъ съѣздомъ виновнымъ въ нарушеніи этого обязательнаго постановленія, выразившемся въ томъ, что въ принадлежащемъ ему фруктовомъ и колоніальномъ магазинѣ, 14 сентября 1897 г., въ день Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста, въ восемь часовъ вечера производилась торговля, и на основаніи 29 ст. уст. о наказ., налаг. мир.

суд., былъ присужденъ къ денежному штрафу. Сенатъ отмѣнилъ приговоръ съѣзда на томъ основаніи, что послѣдній не вошелъ въ обсужденіе законности обязательнаго постановленія думы о торговлѣ въ праздничные дни, мотивируя эту отмѣну тѣмъ, что указанное обязательное постановленіе противорѣчитъ статьямъ 14 и 16 уст. о пред. и прес. прест., по смыслу которыхъ торговля съѣстными припасами и продуктами, дозволяемая во всякое время, не исключая воскресныхъ и праздничныхъ дней, не подлежитъ прекращенію даже во время литургіи и крестнаго хода; что обязательныя постановленія городскихъ думъ, на точномъ основаніи ст. 109 гор. полож., не должны противорѣчить существующимъ законамъ, а тѣмъ болѣе отмѣнять опредѣленные ими указанія, и что предоставленное думамъ п. 11 ст. 108 гор. полож. право издавать обязательныя постановленія, между прочимъ, о времени открытія и закрытія торговыхъ заведеній въ праздничные дни, не давало С.-Петербургской городской думѣ законнаго основанія издавать постановленіе, идущее въ разрѣзъ съ признаннымъ закономъ правомъ на производство торговли съѣстными припасами въ теченіе всего дня, такъ какъ п. 11 ст. 108 гор. полож. относится лишь къ случаямъ ограниченія торговли въ тѣхъ заведеніяхъ, о которыхъ нѣтъ specialнаго указанія въ неотмѣненныхъ въ законномъ порядкѣ статьяхъ закона.

Изъ этихъ соображеній, послѣдовательно проведенныхъ, нельзя прежде всего не придти къ полному отрицанію права гор. думъ составлять обязательныя постановленія о воскресной и праздничной торговлѣ въ какихъ бы то ни было торговыхъ заведеніяхъ, а не только въ тѣхъ, которыя торгуютъ съѣстными припасами. Въдъ ст. 14 уст. о пред. и прес. прест. запрещаетъ открытіе торговыхъ лавокъ и питейныхъ домовъ въ воскресные и праздничные дни лишь до окончанія литургіи; стало быть, по окончаніи они могутъ торговать безпрепятственно въ теченіе всего дня. А если такъ, то всякое обязательное постановленіе думы объ ограниченіи времени торговли въ указанные дни по окончаніи литургіи, въ какихъ бы то ни было торговыхъ заведеніяхъ, будетъ, по выраженію Сената, противорѣчить *спеціальному указанію* ст. 14 уст. о пред. и прес. прест. Значить, п. 11 ст. 103 гор. полож. не имѣетъ вообще никакого смысла и значенія. Зачѣмъ же все было писать этотъ законъ? Но, полагаемъ, законъ не издается для того, чтобы красоваться только на бумагѣ. Согласно 63 ст. основн. зак., законъ, въ надлежащемъ порядкѣ обнародованный, долженъ быть свято и ненарушимо исполняемъ всѣми и каждымъ, и намъ кажется, что всѣ разсужденія Сената основаны на недоразумѣніи. Дѣйствительно, по ст. 109 гор. полож. обязательныя постановленія думы ни въ чемъ не должны противорѣчить существующимъ законамъ. Но ука-

занное постановленіе С.-Петербургской городской думы о праздничной торговлѣ вовсе не противорѣчитъ ст. 14 уст. о пред. и прес. прест. Самъ Сенатъ указываетъ на то, что первоисточникомъ этой (14) статьи является ст. 25 главы X улож. царя Алексѣя Михайловича 1649 г., въ которой говорится: „въ воскресный день рядовъ не отпирать и ничѣмъ не торговать, опрѣчь съѣстныхъ припасовъ и конскаго корму“. Изъ приведенныхъ подъ ст. 14 и 16 уст. о пред. цитатъ видно, что статьи эти основаны на узаконеніяхъ, изданныхъ во всякомъ случаѣ задолго до обнародованія законовъ 1872 и 1874 г., предоставившихъ думамъ составлять обязательныя постановленія о времени открытія и закрытія торговыхъ и промышленныхъ заведеній. Эти же законы, какъ мы объяснили выше, не содержатъ въ себѣ никакого иного по этому предмету ограниченія, кромѣ указанія на необходимость соблюденія правила, изложеннаго въ ст. 329 уст. питейнаго, т. е. что дума въ издаваемыхъ обязательныхъ постановленіяхъ о воскресной и праздничной торговлѣ не вправѣ допускать открытіе питейныхъ заведеній до окончанія литургіи въ приходской церкви. Стало быть, помимо этого ограниченія, дума вправѣ регулировать открытіе и закрытіе всякихъ торговыхъ и промышленныхъ заведеній по своему усмотрѣнію, сообразуясь съ мѣстными условіями и потребностями. Если бы законодатель желалъ сдѣлать исключеніе для заведеній, торгующихъ съѣстными припасами, то онъ такое оговорилъ бы, какъ это имъ и сдѣлано относительно питейныхъ заведеній. А такъ какъ, по общему правилу толкованія законовъ, въ случаѣ ихъ столкновенія, законъ позднѣйшій отмѣняетъ или ограничиваетъ дѣйствіе болѣе ранняго, съ нимъ несогласнаго, то нельзя не признать, что ст. 14 уст. о пред. и прес. прест. не можетъ, въ виду законовъ 1872 и 1874 г., составляющихъ нынѣ п. 11 ст. 108 гор. полож. 1892 г., стѣснять право городскихъ думъ на составленіе обязательныхъ постановленій о времени открытія и закрытія въ воскресные и праздничные дни заведеній, торгующихъ съѣстными припасами, и что такимъ образомъ уголов. касса. департаментъ лишь по недоразумѣнію отвергъ законность обязательнаго постановленія с.-петербургской городской думы по этому предмету.

Нельзя, впрочемъ, не указать на то, что Сенатъ смущала, повидимому, та несообразность, которая была допущена думой относительно опредѣленія часовъ торговли въ другихъ заведеніяхъ. Между тѣмъ какъ лавки, торгующія съѣстными припасами, могутъ быть открыты лишь до 10 часовъ утра и съ 12 до 5 пополудни, трактирные заведенія съ продажей крѣпкихъ напитковъ открываются съ 12 часовъ дня до 11 часовъ вечера, причемъ одинаковымъ съ ними правомъ пользуются кондитерскія и т. п. Обстоятельство это указываетъ,

какъ должны быть осторожны думы при составленіи обязательныхъ постановленій о воскресной и праздничной торговлѣ, чтобы не ставить однихъ заведеній въ привилегированное положеніе сравнительно съ другими, поскольку это не требуется самимъ закономъ или не вызывается особенной необходимостью.

IV.

Смыслъ закона о регулированіи воскресной и праздничной торговли заключается въ томъ, что служащій персоналъ долженъ пользоваться отдыхомъ хоть разъ въ недѣлю. Пожеланіе воскреснаго отдыха высказано въ нашемъ „сводѣ“ въ видѣ общаго правила. Воскресные и торжественные дни, церковные и гражданскіе, сказано въ ст. 23 уст. о пред. прест., посвящаются отдохновенію отъ трудовъ и съ тѣмъ вмѣстѣ набожному благоговѣнію. На этомъ основаніи предписывается тамъ же (ст. 24) во всѣ праздничные дни, къ числу коихъ относятся и воскресные, (ст. 25), въ которые присутственные мѣста свободны отъ собраній, а училища отъ ученія, нигдѣ казенныхъ и другихъ публичныхъ работъ не производить, какъ вольными или казенными мастеровыми, такъ и арестантами, безъ особаго на то Высочайшаго дозволенія, исключая: 1) случаевъ чрезвычайныхъ, когда отъ отлагательства могутъ произойти вредъ постройкамъ, ущербъ казнѣ и остановки въ сообщеніяхъ; 2) тѣхъ вѣдомствъ, кои руководствуются особыми уставами, силою коихъ работы по симъ днямъ именно разрѣшаются или требуются. Независимо отъ указаннаго общаго правила, имѣются и частныя постановленія по тому же предмету. Такъ, по ст. 430 уст. промышл. (изд. 1893 г.), ремесленныхъ рабочихъ дней шесть въ недѣлѣ. Въ день же воскресный и двенадцатые праздники ремесленники не должны работать безъ необходимой нужды. Въ силу ст. 142 того же устава, правила внутренняго распорядка на фабрикахъ должны заключать въ себѣ; между прочимъ, росписание праздниковъ, въ которые не полагается работы. И въ уставѣ горномъ, въ главѣ о наймѣ рабочихъ на горные заводы и промыслы, выражено, что въ условіяхъ о наймѣ должны быть означены, между прочимъ, праздничные дни, въ которые нанимающіеся свободны отъ работы (ст. 666, 700, 708).

Но въ отношеніи вспомогательнаго торговаго персонала приведенное общее правило о праздничномъ отдыхѣ парализовалось другимъ постановленіемъ устава о предупр. прест., а именно ст. 14, по которой въ воскресные и торжественные дни не дозволяется открывать торговыя лавки и питейные дома лишь прежде окончанія въ приходской церкви литургіи. Стало быть, по окончаніи литургіи заведенія эти могутъ быть открыты для торговли. А такъ какъ при такихъ условіяхъ торгующій классъ

можетъ оказаться вовсе лишеннымъ праздничнаго отдыха, то, для устраненія этого, законъ и предоставилъ городскимъ думамъ издавать обязательныя постановленія о времени открытія и закрытія торговыхъ и промышленныхъ заведеній. Но цѣль закона можетъ быть достигнута только въ томъ случаѣ, если указанныя обязательныя постановленія будутъ распространяться на всѣ безъ исключенія торговыя и промышленныя заведенія, т. е. и на питейныя заведенія и лавки, торгующія съѣстными припасами. Нѣтъ справедливаго и разумнаго основанія для изытія этихъ заведеній и лавокъ изъ общаго правила и лишенія такимъ путемъ праздничнаго отдыха торгующихъ въ нихъ лицъ. Кто хочетъ въ праздничные дни напиваться, не будетъ лишенъ возможности застаться напитками или накануне или въ самый праздничный день, въ тѣ часы, когда питейныя заведенія открыты. Равнымъ образомъ заблаговременно или въ указанные часы можно купить и нужные съѣстные припасы. Слѣдовательно, праздничный отдыхъ въ теченіе хотя бы нѣсколькихъ часовъ не идетъ ни сколько въ разрѣзъ съ интересами потребителей. Желательно поэтому возстановить силу законовъ 1872 и 1874 годовъ и измѣнить редакцію п. 11 ст. 108 город. полож. (изд. 1892 г.) въ томъ смыслѣ, что думѣ предоставляется составлять обязательныя для мѣстныхъ жителей постановленія о времени открытія и закрытія торговыхъ и промышленныхъ заведеній въ воскресные и праздничные дни, не исключая заведеній торгующихъ съѣстными припасами и крѣпкими напитками, съ тѣмъ, что въ указанные дни заведенія, торгующія крѣпкими напитками, не должны быть открываемы до окончанія божественной литургіи, а также во время крестныхъ ходовъ.

М. Мышь.

Ссылка преступниковъ съ точки зрѣнія культуры, колонизаціонной и соціальной политики ¹⁾).

(Продолженіе)

5. Защитники ссылки говорятъ, далѣе, о соціальномъ значеніи этого института, устраняющаго вредную съ соціальной точки зрѣнія конкуренцію тюремнаго труда и производства съ свободнымъ трудомъ, которая лишаетъ заработка

¹⁾ См. Право № 20. Къ сожалѣнію, въ напечатанномъ тамъ началѣ статьи оказались слѣдующіе пропуски и искаженія. На стр. 1004 (7-я строка сверху) вмѣсто словъ „такъ что крайне отрицательно вліяетъ на“ слѣдуетъ читать: „такъ что вызывается вредное давленіе, понижающее“ (общій культурный и нравственный уровень и т. д.). На стр. 1006 въ послѣднемъ предложеніи (9-я строка снизу) вмѣсто словъ „Такимъ образомъ теперь“ слѣдуетъ читать: „Теперь, а тѣмъ болѣе въ будущемъ времени въ такомъ случаѣ слѣдуетъ предполагать, что“.

свободных рабочихъ. Вредному социальному значенію тюремнаго труда съ этой точки зрѣнія вообще приписывается то значеніе, которое ему въ дѣйствительности едва-ли принадлежитъ. Къ тому же распространенное на западѣ и подчасъ рѣзко проявляющееся недовольство противъ конкуренціи со стороны тюремнаго производства основано на игнорированіи того обстоятельства, что тюремныя мастерскія не создаютъ новыхъ рабочихъ силъ, а только сообщаютъ имъ отчасти новое направленіе. Человѣкъ, поступающій въ тюрьму и являющійся новымъ конкурентомъ для однихъ, освобождаетъ въ то же время отъ конкуренціи (или еще существенно болѣе вреднаго воздѣйствія) другихъ. При постоянномъ и продолжительномъ функционированіи тюремныхъ мастерскихъ въ определенныхъ мѣстахъ страны, народная экономія естественно должна къ этому приноровиться и особыхъ замѣшательствъ и социального вреда отъ этого быть не можетъ.

Обвиненіе тюрьмы съ этой точки зрѣнія можетъ, слѣдовательно, заключаться только въ томъ, что она не удаляетъ изъ страны избытка рабочихъ рукъ (и желудковъ), каковой цѣли служить ссылка.

Можно-ли признать ссылку разумнымъ средствомъ политики народонаселенія въ этомъ смыслѣ?

Прежде всего не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы видѣть въ ссылкѣ количественно *достаточную* мѣру для рѣшенія той стороны социального вопроса, которая состоитъ въ превосходствѣ предложенія труда надъ его спросомъ въ метрополіи. Самое широкое примѣненіе ссылки *не могло бы* упразднить ни названнаго социального вопроса и заботы о другихъ мѣрахъ регулированія народонаселенія и уравновѣшиванія предложенія и спроса труда, ни въ частности заботы о регулированіи свободнаго переселенія и водвореніи добровольныхъ переселенцевъ. Въ виду этого государства, имѣющія въ своемъ распоряженіи мѣстности, еще не занятыя или недостаточно заполненныя, но годныя для постепеннаго водворенія и помѣщенія въ нихъ избытка рабочихъ рукъ, должны дорожить ими, какъ средствомъ для водворенія добровольныхъ переселенцевъ. Водворяя тамъ ссыльныхъ, государство этимъ самымъ умаляетъ способность этихъ мѣстностей къ воспріятію и водворенію добровольнаго переселенія.

Отсюда видно, что ссылка (поскольку она дѣйствительно водворяетъ принудительныхъ переселенцевъ, а не служитъ только средствомъ изгнанія на произволъ судьбы или истребленія преступниковъ путемъ подверженія ихъ воздѣйствію смертоноснаго климата и т. п. неблагоприятныхъ условій), составляетъ конкуренцію свободному переселенію и водворенію избытка рабочихъ рукъ метрополіи. Изъ этого слѣдуетъ, что указаніе на пользу ссылки, какъ

средства для удаленія избытка рабочихъ рукъ, само по себѣ никакого научнаго вѣса не имѣетъ, и требуетъ доказательства, что она является въ области политики народонаселенія лучшимъ или, по крайней мѣрѣ, не худшимъ средствомъ, чѣмъ добровольное переселеніе и содѣйствіе водворенію добровольныхъ переселенцевъ. Въ противномъ случаѣ колонизаціонную ссылку придется считать не полезною, а, напротивъ, неудачною и вредною мѣрою съ точки зрѣнія социальной политики народонаселенія. Таковую ее дѣйствительно и слѣдуетъ признать.

Мнѣніе, что ссылка точно также, какъ добровольное переселеніе, является клапаномъ для отвода излишка народонаселенія было бы прежде всего основано на механическомъ и поверхностномъ пониманіи самаго существа соответственнаго социального вопроса и существа задачъ политики народонаселенія. Существо задачи социальной политики народонаселенія состоитъ *вовсе не въ томъ*, чтобы механически уменьшить количество народонаселенія въ странѣ. Если бы какое-либо государство задумало рѣшить социальный вопросъ народонаселенія путемъ чисто числовымъ, механическимъ, напр., подвергло жребію всѣхъ людей страны съ тѣмъ, что 10 или 100 тысячъ жеребьевъ обязываютъ вытянувшихъ ихъ къ выселенію, то это не облегчило бы социального зла, состоящаго въ невозможности приложенія всѣхъ наличныхъ рабочихъ силъ, а, напротивъ, усилило бы это зло и повело бы къ новымъ замѣшательствамъ и новымъ источникамъ безработицы. Какъ это ни покажется парадоксальнымъ съ перваго взгляда, но можно сказать, что т. н. излишекъ трудового народонаселенія, причиняющій социальные бѣдствія, можетъ всецѣло или отчасти состоять именно въ недостаткѣ трудового народонаселенія, и что самымъ лучшимъ рѣшеніемъ соответственнаго социального вопроса часто могло бы быть не уменьшеніе количества представителей народного труда, а увеличеніе количества представителей такого рода труда, который бы создалъ приложеніе и спросъ для людей, являющихся теперь въ народной экономіи излишними. Это положеніе особенно очевидно по отношенію къ такимъ сравнительно мало населеннымъ странамъ, какъ Россія или Галиція (гдѣ въ то же время переселенческой вопросъ играетъ важную роль), но оно не лишено значенія даже и въ такой, напр., густо населенной странѣ, какъ Германія. Характерно, что въ Reichstag'ѣ раздаются жалобы не только на безработицу (въ области обрабатывающей промышленности), но въ то же время и на недостатокъ рабочихъ рукъ (въ аграрной области).

Слѣдовательно, существо задачи социальной политики народонаселенія есть не механическое и числовое, а органическое и качественное. Вопросъ состоитъ не въ удаленіи изъ страны какихъ бы то ни было людей, лишь бы умень-

шить количество предложенія труда, ибо это, смотря по выбору удаляемыхъ лицъ, напр., по рѣшенію жребія, могло бы оказаться лекарствомъ не устранивающимъ, а усиливающимъ болѣзнь, а прежде всего въ правильномъ подборѣ удаляемыхъ и оставляемыхъ лицъ. Если въ теоретическихъ изслѣдованіяхъ экономистовъ о политикѣ народонаселенія и на практикѣ на этотъ вопросъ не обращается большого вниманія, то это происходитъ потому, что дѣло идетъ о *добровольномъ* переселеніи, которое упомянутый вопросъ рѣшаетъ само собою, путемъ, такъ сказать, естественнаго и органическаго подбора. Но если со стороны криминалистовъ рекомендуется ссылка, какъ средство для „рѣшенія *соціального вопроса*“, то высказанное выше положеніе получаетъ весьма существенное теоретическое и практическое значеніе, а именно обнаруживаетъ принципиальную несостоятельность критикуемаго воззрѣнія на ссылку. Это воззрѣніе сводится къ совѣту замѣнить въ извѣстной части естественный и органической переселенческой подборъ механическимъ и искусственнымъ уменьшеніемъ количества народонаселенія метрополіи. Рекомендуемое при этомъ основаніе для выбора принудительно переселяемыхъ лицъ, по своему достоинству съ точки зрѣнія правильно понятаго „соціального вопроса“, весьма похоже на жребій. Добровольное переселеніе является передвиженіемъ предложенія того рода и вида труда, который дѣйствительно предлагается въ излишествѣ въ метрополіи и требуется въ колоніи, причемъ подборъ переселяющихся естественно регулируется и мѣняется сообразно измѣненіямъ конъюнктуры въ соответственной экономической области (напр., въ зависимости отъ процвѣтанія или кризиса въ извѣстной области промышленности). Институтъ ссылки игнорируетъ всѣ эти факторы и вмѣсто нихъ устанавливаетъ неизмѣнный, формальный и съ интересующей насъ точки зрѣнія чисто случайный признакъ—совершеніе извѣстныхъ тяжкихъ правонарушеній. Изъ исторіи ссылки извѣстны примѣры совершенія преступленій ради переселенія и водворенія съ помощью правительства въ колоніи. Въ этихъ печальныхъ и компрометирующихъ уголовную политику случаяхъ дѣйствительно можно видѣть *случаи* правильнаго и органическаго подбора съ разматриваемой здѣсь точки зрѣнія. Эти же случаи иллюстрируютъ антиномію, которая была бы введена въ уголовную политику, если бы она дѣйствительно взялась за чуждую ей задачу удовлетворять переселенческимъ потребностямъ метрополіи.

Кромѣ указанныхъ выше общихъ соціально-экономическихъ состояній и перемѣнъ, къ которымъ приносится добровольное переселеніе и не можетъ приноситься ссылка, нельзя игнорировать и индивидуальныхъ условій быта,

характера и вообще индивидуальной приспособленности къ переселенію каждаго переселенца. Только при добровольномъ переселеніи можно съ этой точки зрѣнія ожидать безболѣзненнаго и безвреднаго отдѣленія переселенца отъ общественнаго организма метрополіи, въ частности предполагать, что его переселеніе не причинитъ бѣдствій третьимъ лицамъ, и что по своимъ индивидуальнымъ условіямъ переселенецъ легко и успѣшно войдетъ въ общественный организмъ колоніи. Факторамъ, которые бы должны были здѣсь быть приняты во вниманіе и которые на дѣлѣ принимаются во вниманіе *при добровольномъ* переселеніи, имя легионъ. Для примѣра укажемъ на здоровье, энергію и предприимчивость, какъ на условія успѣшной перемѣны мѣста и обстоятельствъ борьбы за существованіе, на отсутствіе рутинности и узкой спеціализаціи въ трудовыхъ знаніяхъ, привычкахъ и стремленіяхъ переселенца, на его семейное положеніе, на опасность, что вслѣдствіе большой привязанности къ родинѣ и роднымъ переселеніе можетъ вызвать въ немъ апатію и сломить его энергію и трудоспособность. Конечно, и при свободномъ переселеніи случаются ошибки соціального и индивидуальнаго подбора, но въ массѣ случаевъ здѣсь несомнѣнно происходитъ правильное и органически комбинированное воздѣйствіе со стороны измѣняющихся обще-экономическихъ и индивидуальныхъ факторовъ. Ссылка же необходимо является въ значительной степени жребіемъ, безъ разбора падающимъ на годный и негодный для переселенія матеріалъ.

6. Изложенныя и обоснованныя выше положенія содержатъ въ себѣ *implicit* и оцѣнку важнѣйшаго въ исторіи литературы о ссылкѣ и обыденнаго аргумента въ пользу этого института, а именно того соображенія, что ссылка путемъ водворенія и доставленія преступнику возможности достигнуть въ колоніи матеріальныхъ успѣховъ и хозяйственнаго благосостоянія дѣлаетъ его полезнымъ членомъ общества. Въ пользу этого есть и историческія подтвержденія, а именно—указывается на исторію ссылки въ Австралію, гдѣ многіе ссыльные достигли не только обезпеченности, но даже подчасъ и значительнаго богатства.

Выше было указано, что при извѣстныхъ условіяхъ ссылка можетъ оказаться экономически успѣшною мѣрою. При тѣхъ же условіяхъ и разматриваемая здѣсь сторона ссылки получаетъ положительное значеніе. Если страна необыкновенно изобилуетъ естественными богатствами, простора много, а людей для эксплоатаціи мало, то, естественно, первые отряды поселенцевъ быстро обогащаются, и перспективы и примѣры такого чрезвычайнаго успѣха могутъ прельстить даже тѣхъ преступниковъ, которые прежде проявляли къ труду вообще только вражду и отвращеніе или при менѣ благопріятныхъ условіяхъ не обнаружи-

ли бы склонности къ тому труду, который требуется въ колоніи. При такихъ условіяхъ введеніе преступниковъ въ законную экономическую колею, конечно, можетъ быть въ значительныхъ размѣрахъ достигнуто въ колоніи съ большимъ успѣхомъ, нежели въ метрополіи, гдѣ нѣтъ такихъ источниковъ легкой и быстрой и въ то же время законной наживы. Какъ разъ противоположный результатъ долженъ получиться въ томъ случаѣ, если условія жизни и легальной борьбы за существованіе въ колоніи труднѣе, нежели въ метрополіи для большинства преступниковъ или вообще. Въ этомъ случаѣ ссылка не способствуетъ, а препятствуетъ преступникамъ войти въ законную колею. Съ этой точки зрѣнія ссылка въ Сибирь и на Сахалинъ, и при устраненіи недостатковъ системы и органовъ ея примѣненія, давала бы необходимо отрицательные результаты.

Но теперь ни одно правительство не имѣетъ въ своемъ распоряженіи такихъ благодатныхъ странъ для поселенія ссыльныхъ, каковою являлась въ свое время Австралія. Такого чрезвычайнаго поощренія къ честному труду фактически уже нельзя болѣе доставить ссыльнымъ. Напротивъ, какъ указано было выше, то обстоятельство, что такая-то колонія остается свободною отъ наплыва добровольныхъ поселенцевъ и частныхъ капиталовъ и вслѣдствіе этого оставляетъ просторъ для ссыльной колонизаціи, при теперешнихъ, а тѣмъ болѣе будущихъ условіяхъ міроваго рынка труда и капитала, создаетъ предположеніе противъ экономичности и вообще привлекательности эксплоатаціи этой колоніи.

Но кромѣ того (и это главное), ссылка по существу своему, въ виду выше указанной случайности критерія для выбора годнаго и приспособленнаго для переселенія матеріала, настолько ухудшаетъ условія для дальнейшей успѣшной легальной хозяйственной дѣятельности большинства принудительныхъ переселенцевъ, что требовались бы чрезвычайныя преимущества колоній въ смыслѣ легкости извлеченія и присвоенія ея естественныхъ богатствъ, чтобы перевѣсить этотъ недостатокъ, лежащій въ существѣ ссылки въ отличіе отъ добровольнаго переселенія.

Громадный процентъ ссыльныхъ вслѣдствіе переселенія лишается самаго основнаго и существеннаго капитала, дававшего ему возможность успѣшной дѣятельности въ метрополіи, а именно той профессіи, того знанія и опыта, которые были бы приложимы и могли бы быть эксплоатируемы въ метрополіи. Достаточно вообразить себѣ парижанина или вѣнца, сосланныхъ въ отдаленную земледѣльческую колонію, чтобы понять, сколько поверхностнаго и наивнаго заключается въ критикуемой теоріи, такъ легко въ воображеніи доставляющей ссыльнымъ экономической успѣхъ, примиреніе со своимъ положеніемъ etc. Чѣмъ выше культура

и специализація труда, знанія и вообще хозяйственной приспособленности въ томъ мѣстѣ, изъ котораго прибываютъ въ колоніи ссыльные, тѣмъ болѣе ссылка означаетъ уничтоженіе того существеннаго и второй разъ въ жизни не легко приобретаемаго капитала, который заключается въ профессіи.

Не говоря о томъ, что многія профессіи, особенно болѣе интеллигентныя, но также вообще городскія, фабричныя и т. п. занятія дѣлаютъ представителей ихъ органически неприспособленными и инстинктивно враждебно расположенными къ тяжелому физическому труду, особенно если такое отчужденіе продолжалось въ теченіе многихъ поколѣній, нельзя также игнорировать той психологической истины, что уже само сознание бесполезности и неприложимости своего мастерства, ловкости и знанія ведетъ къ упадку энергіи, къ апатіи и безсилію. Тоска по родинѣ и роднымъ, отсутствіе привычныхъ и доступныхъ въ мѣстѣ прежняго пребыванія культурныхъ удобствъ, развлеченій и удовольствій тоже не способствуетъ развитію или, по крайней мѣрѣ, сохраненію прежней энергіи, жизнерадостности и трудоспособности. Такими психологическими мелочами, какъ „скука“, теоретики ссылки, конечно, мало интересуются. А между тѣмъ уже принятія во вниманіе этого психологическаго фактора достаточно было бы, чтобы понять, сколь трудно достижимой является дѣйствительная акклиматизація въ штрафной колоніи не только жителя Парижа, Вѣны или т. п., но даже крестьянина метрополіи. Естественнымъ послѣдствіемъ отсутствія тѣхъ удовольствій, которыя были на родинѣ, въ томъ числѣ общества честныхъ дѣвушекъ и женщинъ, является апатія, перемежающаяся съ пьянствомъ, искусственнымъ разгуломъ и грубымъ или даже противестественнымъ развратомъ. Весьма непритязательные въ области потребности культурныхъ и нормальныхъ общественныхъ удовольствій и развлеченій сахалинскіе ссыльные рѣшаются на страшныя злодѣянія и ужасныя лишенія, связанныя съ побѣгомъ изъ мѣста ссылки, лишь бы освободиться отъ тоски и скуки.

Вообще современные теоріи ссылки въ значительной степени страдаютъ тѣмъ недостаткомъ, что онѣ слишкомъ механически и поверхностно относятся какъ къ экономическимъ и социальнымъ явленіямъ, такъ и къ тому весьма сложному и деликатному явленію, какое представляетъ человѣческой индивидуальности ея психическую природу. Въ особенности грѣшатъ въ этой области защитники ссылки. Какъ проста и механична ихъ экономическая и социальная политика, какъ несложны ихъ психологическія соображенія! Въ этомъ коренится отчасти причина того явленія, что ссылка оказывается прекраснымъ институтомъ въ теоріи и весьма неудачнымъ на практикѣ, несмотря на

всевозможныя изобрѣтенія и эксперименты, объектомъ которыхъ являются *vilia corpora* принудительныхъ переселенцевъ.

7. Въ одномъ отношеніи ссылка дѣйствительно обладаетъ тѣмъ особымъ преимуществомъ, которое ей приписывается, а именно она очищаетъ метрополию отъ опасныхъ элементовъ, временно и отчасти или даже окончательно, поскольку дѣло идетъ о пожизненной ссылкѣ, и исключены побѣги на родину. Положимъ, эти опасные элементы не исчезаютъ, а только переносятся въ другое мѣсто, причѣмъ подчасъ на дѣлѣ (какъ, напр., въ области сибирской ссылки) этотъ переносъ зла сопровождается его усиленіемъ, если организація общественной безопасности менѣе удовлетворительна въ мѣстѣ ссылки, нежели въ мѣстѣ высылки, и если накопление и неудача водворенія ссыльныхъ порождаетъ бродяжничество, разбойничьи шайки и т. п. (что, впрочемъ, замѣчалось въ большомъ размѣрѣ и въ Австраліи, несмотря на сравнительный успѣхъ водворенія).

Но при соответственныхъ мѣрахъ цѣли безопасности дѣйствительно могутъ быть вполне достигнуты. А именно, штрафная колонія не можетъ быть источникомъ опасности и помѣхой для развитія благосостоянія иного общества, если она вполне изолируетъ ссыльныхъ и не допускаетъ ихъ смѣшенія съ здоровымъ и нормальнымъ обществомъ. Тогда опасности преступленій и деморализующее вліяніе преступниковъ осуществляются только въ предѣлахъ штрафной колоніи. Если притомъ вѣдѣтвіе особенно въ *такомъ* случаѣ неизбежнаго отсутствія достаточнаго для устроенія семейнаго быта количества женщинъ и содѣйствія къ тому же смертоноснаго климата происходитъ быстрое вымирание колоніи и пополненіе ея состава только новыми транспортами преступниковъ, то мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ, похожимъ не на выбрасываніе нечистотъ на дворъ сосѣда, какъ при ссылкѣ колонизаціоннаго типа, а на сжиганіе нечистотъ или истребленіе вредныхъ насѣкомыхъ, роль которыхъ играютъ въ данномъ случаѣ *люди*.

Но чѣмъ болѣе штрафныя колоніи приближаются къ такому типу общественнаго *semitorium* (ср. французскія штрафныя колоніи съ ихъ смертоноснымъ климатомъ, отчасти и Сахалинъ), тѣмъ болѣе, конечно, неумѣстны имѣющія видъ гуманности и культурности указанія на возвращеніе преступниковъ въ лоно общества, колонизацію и т. п., тѣмъ болѣе противорѣчій вносится въ защиту института.

Въ литературѣ въ пользу ссылки вообще немало подобныхъ противорѣчій. Основныя тенденціи, преслѣдуемыя различными предложеніями и теоріями, весьма различны и другъ съ другомъ несоединимы. Между тѣмъ эти различныя мотивы одинаково регистрируются въ пользу ссылки.

Извѣстная резолюція парижскаго конгресса въ пользу ссылки основана главнымъ образомъ на мотивѣ безопасности метрополи. Между тѣмъ эта резолюція получила, повидимому, значеніе авторитета и импульса для возникновенія движенія въ пользу ссылки въ германской литературѣ, причѣмъ новые защитники ссылки говорятъ здѣсь главнымъ образомъ о колониальной политикѣ, социальномъ вопросѣ и т. п.

8. Эти противорѣчія и другіе недостатки литературы о ссылкѣ, ея многообразные и постоянно мѣняющіеся поверхностные аргументы въ пользу ссылки, такіе же планы и предложенія все новаго устройства и новыхъ экспериментовъ, которые въ случаѣ осуществленія неизмѣнно оканчиваются болѣе или менѣе полнымъ фіаско и постепеннымъ отступленіемъ отъ первоначальнаго красиво задуманнаго плана къ признанію некрасивой дѣйствительности и къ палліативнымъ мѣрамъ уменьшенія оказавшихся язвъ—всѣ эти и т. п. крупныя и мелкія недостатки и неудачи „теорій“ ссылки порождаются и объясняются, по нашему убѣжденію, однимъ основнымъ и глубоко укоренившимся въ этой области науки и государственной практики порокомъ. Порокъ этотъ—оппортунизмъ въ самой традиціонной постановкѣ и пріемахъ рѣшенія вопроса: къ принципамъ и задачамъ юстиціи въ чистомъ и высокомъ значеніи этого слова здѣсь постоянно примѣшивается, искажая и отодвигая ихъ на задній планъ, погоня за всевозможными добавочными практическими цѣлями, за разными побочными выгодами. Единный и прямой путь уголовного правосудія, его задачи и принциповъ, въ этой области теряется и исчезаетъ, смѣняясь множествомъ окольных дорожекъ, ведущихъ къ разнымъ побочнымъ выгодамъ и мелкимъ цѣлямъ, относящимся къ области разнообразныхъ задачъ т. н. полицейской дѣятельности государства, полиціи безопасности и благосостоянія. Источникъ обильныхъ искушеній къ такому стремленію воспользоваться карательною функціею государства для осуществленія разныхъ побочныхъ оппортунистическихъ видовъ и соображеній коренится въ самой природѣ ссылки. Здѣсь мы имѣемъ, съ одной стороны, элементъ удаленія разныхъ категорій людей, съ другой же—элементъ пріобрѣтенія въ другомъ мѣстѣ чловѣческаго матеріала, которымъ можно пользоваться для всевозможныхъ цѣлей и надъ которымъ можно производить разнообразнѣйшіе эксперименты, какъ надъ *vilia corpora*, благо эти опыты и эта утилизація производятся далеко и не смущаютъ совѣсти легко освободившагося отъ своихъ порочныхъ дѣтищъ общества. Очевидно, здѣсь имѣется весьма благодарная и обильная почва для разныхъ побочныхъ видовъ и цѣлей какъ политики удаленія нежелательныхъ участниковъ общенія, такъ и политики извлеченія разныхъ выгодъ изъ добываемаго такимъ образомъ и подлежащаго свободному распоряженію

въ другомъ мѣстѣ человѣческаго матеріала, и очень вѣроятно, что и въ будущемъ литература о ссылкѣ будетъ продолжать обогащаться все новыми аргументами этого оппортунистическаго типа въ пользу ссылки и новыми „идеями“ и „принципами“ ея устройства и утилизаціи. Практическому осуществленію процвѣтающаго на этой, сомнительной съ нравственной точки зрѣнія, почвѣ прожектерства и продолженію примѣненія обнаружившей уже свою несостоятельность системы ссылки способствуетъ отчасти наивный и безсознательный, отчасти сознательный эгоизмъ метрополій какъ по отношенію къ колоніямъ, такъ и по отношенію къ сбываемымъ съ рукъ и съ глазъ своимъ провинившимся членамъ.

Но и независимо отъ такой эгоистической и несогласной ни съ началами достоинства человѣческой личности, ни съ гуманностью и справедливостью подкладки, ждать добра отъ всей этой литературы и практики нельзя уже именно потому, что прямой и принципиальный путь юстиці здѣсь извращается оппортунистическою погонею за добавочными выгодами. Такой, такъ сказать, субсидіарный оппортунизмъ, какъ и всякій оппортунизмъ, въ самой природѣ своей содержитъ источникъ опасностей и зла. Мѣшая достиженію основной задачи и искажая соотвѣтственные основные принципы, онъ въ то-же время осужденъ на неудачу въ достиженіи выгодъ, добываемыхъ на чуждой и не соотвѣтствующей цѣли почвѣ.

И чѣмъ шире и выше основная задача, чѣмъ глубже коренятся въ человѣческой совѣсти соотвѣтственные основные принципы и воззрѣнія, тѣмъ опаснѣе и ядовитѣе такой „субсидіарный оппортунизмъ“.

Безусловно вредно, напр., какъ для высшаго образованія, такъ и для государственной политики, если въ дѣло науки вносится побочный элементъ спеціальныхъ партійныхъ или иныхъ политическихъ видовъ и цѣлей. Еще опаснѣе было бы привнесеніе такого посторонняго элемента въ дѣло средняго и еще опаснѣе — въ дѣло начального обученія. Только деморализація, недовѣріе и вражда внѣдряется въ сердца дѣтей, если высокая и святая задача воспитанія и обученія осложняется и искажается добавочными политическими тенденціями. Вредно было бы привнесеніе такихъ элементовъ въ преподаваніе исторіи или т. п. науки, неизмѣримо опаснѣе была бы попытка утилизировать для добавочныхъ цѣлей преподаваніе религіи. Весьма интимныя и чуткія струны индивидуальной и общественной совѣсти затрогиваетъ карательная функція государства. Стремиться къ утилизаціи преступленій гражданъ и уголовныхъ каръ для достиженія разныхъ побочныхъ выгодъ и цѣлей принципиально не слѣдуетъ. Было бы желательно, чтобы наука уголовного права поставила вопросъ о ссылкѣ исключительно на почву задачъ и началъ уго-

ловнаго правосудія, отвергнувъ принципиально и напередъ погоню за разными чуждыми уголовному правосудію и съ нимъ несоединимыми цѣлями. При такой постановкѣ вопроса едва ли бы ссылка продолжала находить защитниковъ, и прожектерству на этой почвѣ и самой ссылкѣ пришелъ бы скоро конецъ.

Нѣкоторыя изъ вышеизложенныхъ соображеній, сообразно ихъ первоначальному назначенію, имѣютъ главнымъ образомъ въ виду западную литературу о ссылкѣ и западныя государства съ ихъ заморскими колоніями. Что же касается Россіи и ея сибирскихъ губерній (и Сахалина), въ особенности послѣ проведенія сибирской жел. дороги, то здѣсь именно вслѣдствіе того, что рѣчь идетъ не объ отдаленныхъ колоніяхъ съ существенно различными условіями, а только объ отдаленныхъ губерніяхъ, перемѣщеніе преступныхъ элементовъ изъ однихъ частей государства и концентрированіе ихъ въ другихъ пріобрѣтаетъ съ культурной точки зрѣнія еще болѣе ненормальный характеръ, колонизаціонныя и т. п. планы еще менѣе умѣстны, и, вслѣдствіе отсутствія изоляціи мѣста ссылки, примѣненіе ея съ точки зрѣнія политики безопасности тѣмъ менѣе выдерживало бы критику; напротивъ, именно съ этой точки зрѣнія перенесеніе преступнаго люда въ губерніи съ менѣе организованною администраціей вообще и полиціей безопасности въ частности является только отрицательною, усиливающею зло мѣрою.

Это тѣмъ болѣе усиливаетъ надежду, что при предстоящемъ пересмотрѣ вопросъ о ссылкѣ получить принципиально и вполне отрицательное для этого института рѣшеніе безъ ограниченія и ослабленія этого рѣшенія частичнымъ сохраненіемъ старой системы или новыми способами утилизаціи ссылки для какихъ-либо спеціальныхъ цѣлей по новымъ планамъ и системамъ.

И въ другомъ отношеніи слѣдуетъ желать и можно ожидать рѣшительнаго и принципиальнаго рѣшенія вопроса. Преобразование карательной системы (введеніе правильной пенитенціарной системы) потребуетъ значительныхъ, въ особенности одновременныхъ затратъ финансовыхъ средствъ. Затраты на такое великое культурное дѣло несомнѣнно съ излишкомъ окупятся даже въ матеріальномъ (экономическомъ) и даже, косвенно, финансовомъ) смыслѣ, не говоря уже о благихъ культурныхъ и въ частности моральныхъ результатахъ. Но вполне достойною и правильною можетъ быть только такая постановка вопроса: объ отсутствіи средствъ на правильную организацію юстиціи и въ частности на карательную систему, соотвѣтствующую задачамъ и принципамъ культурнаго государства, не можетъ быть вовсе и рѣчи. Дѣло идетъ объ элементарной потребности и обязанности правового и цивилизованнаго общества.

Мыслимо также, но было бы весьма вредным привнесение ашпортунистических соображений и сомнительное в обсуждение и окончательное решение другого с принципиальной точки зрения весьма важного вопроса, затронутого Высочайшим повелением 6 мая, а именно вопроса „об отмене или ограничении административной ссылки по приговорам мещанских и крестьянских обществ“. Против полного устранения этого, резко противоречащего основным принципам правового государства, института будут, вероятно, высказываться сомнения и опасения с точки зрения сельской безопасности (будет говорить о конокрадстве и т. п.). Несомненно ослабление личной и имущественной безопасности недопустимо. Но из этого вытекает только необходимость, на ряду с вопросом об отмене административной ссылки по приговорам обществ, обсудить соответствующие началам и задачам правового строя меры компенсации действия подлежащего отмене некультурного средства, а отнюдь не надлежащий аргумент против полной отмены ссылки по приговорам обществ. К тому же последней и важнейшей основой не только личной и имущественной безопасности, но вообще государственного порядка и материального и морального благосостояния народа является развитие и укрепление принципиального уважения к личным и имущественным правам и вообще здорового правосознания. Такое развитие и укрепление правосознания, а равно необходимая и с экономической точки зрения уверенность в прочности своих прав и своей личной и хозяйственной будущности, в корне колеблются и подкапываются институтом, дающим возможность по личным нерядам и посторонним мотивам произвольно разрушить личное и имущественное благосостояние человека, поразить его существеннейшие права личности. Именно для доставления гарантии гражданских прав и безопасности необходимо институт административной ссылки замкнуть согласными с началами права и государства мерами. И здесь не может и не должно быть сомнения с финансовой точки зрения.

Л. Петражицкий.

ПИСЬМО ИЗЪ ГААГИ.

В тихой, кокетливой Гааге необыкновенное оживление: дома разукрашены флагами, гостиницы переполнены приезжими, сплошь и рядом слышна английская, немецкая и даже русская речь; сразу видно, что в городе происходит нечто необыкновенное. И действительно, „конференция о мире“, заседающая теперь в Гааге, является крупным историческим событием конца века, и каковы бы ни

были ее последствия, уже один факт ее существования — факт серьезной важности, событие, последствия которого в настоящее время трудно измерить. Представители европейской и заокеанской дипломатии съехались со всех концов земного шара не для того, чтобы расширять за чужой счет „сферы влияния“ своих государств, а для того, чтобы обсудить вопрос о „разоруженном“ мире, чтобы обсудить проблему, если не о вечном мире, то об установлении международного трибунала, как постоянного авторитетного учреждения, решения которого были бы морально обязательны, подчинить взаимные отношения государств правовым нормам.

Избрание Голландии вообще и Гааги в частности местом для этой конференции чрезвычайно удачно и служить хорошим предзнаменованием. Голландия издавна была убежищем свободной мысли; туда бежали со всех концов мира гонимые за свои убеждения; там жили Декарт и Спиноза, мечтавшие о братстве всего человечества; там, в двух шагах от Гааги, в небольшом городке Дельфт, родился великий Гуго Гроций, знаменитое сочинение которого „De jure belli ac pacis“ могло бы смело служить программой нынешней конференции. История конференции очень несложная и всем хорошо известна: 12/24 августа 1898 года представителям иностранных государств, аккредитованным при русском Дворе, была вручена знаменитая нота г-ра Муравьева, в которой от имени Государя Императора державы приглашались на конференцию, цель которой, как было сказано в циркуляре, — „положить предельно непрерывным вооружением и изыскать способы предупредить страшные бедствия, которые угрожают всему человечеству“.

Обсуждая, сначала в циркуляре г-ра Муравьева от 30 декабря 1898 года, а потом в приветственной речи Стааля в Гааге, программу будущей конференции, петербургский кабинет настаивал главным образом на арбитраже и на подтверждении принципов Женевской конвенции 1864 года и Брюссельской конференции 1874 года. Это уже третий случай в последнее десятилетие, когда вопрос о всеобщем разоружении встречает непреодолимые препятствия для своего осуществления. Так, в 1887 году радикальный депутат Antide Boyer предложил во французской палате депутатов принять следующую резолюцию: „правительство приглашается принять на себя инициативу в созвании международной конференции, на которой представители государств изыскивали бы способы для соглашения, могущего служить основанием для всеобщего разоружения... и для основания международного третейского трибунала“. Подобное же предложение сделали палате депутатов социалистические депутаты Vaillant и Frédéric Passy. Это последнее предложение было подписано еще многими другими депутатами, а именно Guyot, Henry Maret, Laguerre, Camille Pelletan и др. Оба эти предложения были отосланы в комиссию „L'initiative parlementaire“, состоявшую из 22 членов, в числе которых находились, между прочим, Шарль Дюпюи, теперешний президент совета министров. Комиссия высказалась против обоих проектов на том основании, что опасно вызывать парламентские дебаты по такому деликатному ди-

пломатическому вопросу, какъ вопросъ о всеобщемъ разоруженіи. Это было въ то время еще тѣмъ опаснѣе, что военнымъ министромъ былъ генералъ Буланже, который, объявивъ патриотизмъ своей монополіей, могъ при обсужденіи проектовъ вовлечь Францію въ очень крупныя дипломатическія осложненія. Съ этимъ мнѣніемъ комиссіи были согласны тогдашній президентъ совѣта Гобле и президентъ палаты Флоке. „Le rapport sera imprimé et distribué“, произнесъ онъ обычную фразу; но до напечатанія разыгрались буланжизмъ и панамы и дѣло было сдано въ архивъ. Прудонъ сказалъ однажды: „La France donnera un jour au monde le signal du désarmement: c'est un honneur qui lui est réservé“. Но смѣлый мыслитель оказался плохимъ пророкомъ, и честь этой благородной инициативы останется навсегда соединенной съ Гаагской конференціей, вызванной нотой Императора Николая II.

Съ самаго начала конференціи возникло два очень щекотливыхъ вопроса, касающіеся международной вѣжливости: первый относительно допущенія на конференцію представителя Ватикана, второй относительно участія южно-африканскихъ республикъ. Папа употребилъ невѣроятныя усилія, пустилъ въ ходъ всю силу своей діалектики, чтобы добиться того, чтобы нунцій могъ говорить отъ его имени на конференціи. Для замѣстителя престола св. Петра этотъ вопросъ былъ чрезвычайно важенъ, такъ какъ приемъ его представителя былъ бы равносильнъ признанію папы главой государства, но этому участію рѣшительно воспротивился итальянскій кабинетъ. Постановленіемъ большинства державъ вопросъ объ участіи папы разрѣшенъ былъ отрицательно. Папа выразилъ свой протестъ переводомъ своего нунція изъ Гааги въ Люксембургъ. Вопросъ объ исключеніи Трансваала изъ конференціи вызвалъ даже интерпелляцію въ голландской палатѣ депутатовъ; на этомъ исключеніи настаивала Англія, видѣвшая въ участіи южно-африканскихъ республикъ покушеніе на права своего суверенитета. Попытка Голландіи вступить за эти республики не была поддержана другими державами и вопросъ былъ рѣшенъ въ пользу Англіи.

По устраненіи всѣхъ этихъ дипломатическихъ недоразумѣній открылись засѣданія. Засѣданія происходятъ въ абсолютномъ huis clos, которое едва ли оправдывается необходимостью и было очень сурово встрѣчено всей европейской печатью. Но при теперешнемъ значеніи прессы, конечно, всего невозможно сохранить въ тайнѣ, многое проникло въ печать, — и общій планъ работъ, и тѣ надежды, которыя связаны съ исходомъ работъ конференціи, вскорѣ сдѣлались извѣстными.

Занятія свои конференція подраздѣлила на три большія группы: первая — вопросы, касающіеся собственно разоруженія; вторая — вопросы, касающіеся законовъ войны; и третья — вопросы, касающіеся устройства международнаго третейскаго суда. Каждая группа вопросовъ передана на обсужденіе особой комиссіи, которая изъ себя выдѣляетъ уже подкомиссіи, для изученія технической стороны дѣла. Какъ видно изъ программной рѣчи нашего представителя бар. Стаалы, наибольшее значеніе придается третьей комиссіи объ арбитражѣ.

По вопросу объ ограниченіи вооруженія первое и

самое капитальное препятствіе заключается въ совершенно особомъ положеніи, которое занимаетъ Великобританія. Разоруженіе для Англіи, какъ для морской державы, совершенно невозможно, такъ какъ если мыслимо на новыхъ началахъ реорганизовать въ два-три года сухопутную армію, то для реорганизации флота необходимо, по крайней мѣрѣ, 10 лѣтъ.

Кромѣ Англіи, Германія, воспитанная на „политикѣ крови и желѣза“, тоже занимаетъ по вопросу о разоруженіи особое мѣсто.

Германія назначила делегатомъ на конференцію извѣстнаго милитариста профессора Гейдельбергскаго университета Stengel, который въ очень парадоксальной брошюрѣ противопоставляетъ идеалу вѣчнаго мира — вѣчную войну, какъ необходимый факторъ цивилизации. Stengel — поклонникъ Бисмарка и Мольтке, и на его брошюрѣ можно смѣло надписать ужасныя слова покойнаго фельдмаршала: „вѣчный миръ — это мечта и даже не прекрасная“. Если, такимъ образомъ, мало надежды на удачное разрѣшеніе вопроса объ ограниченіи вооруженія, то за то есть полная надежда на благополучное разрѣшеніе вопроса объ арбитражѣ.

Мы не будемъ останавливаться на второй комиссіи: ея работы несомнѣнно окончатся успѣшно, какъ заканчивались работы всѣхъ подобныхъ конференцій; будетъ, вѣроятно, воспрещено употребленіе торпедъ, разрывныхъ пуль Маузера, будутъ, какъ выражаются нѣкоторые журналисты, „смягчены ужасы войны“. Но подобно тому, какъ смертная казнь остается одинаково ужасной, совершается ли она чрезъ повѣщеніе, разстрѣляніе, гильотинированіе, или посредствомъ электричества, и война остается одинаково ужасною, ведется ли она посредствомъ тарановъ и копій, или посредствомъ новѣйшихъ стѣнбитныхъ орудій.

Обращеніе къ третейскому суду для разрѣшенія конфликтовъ и споровъ вошло въ обычай съ отдаленнѣйшихъ временъ. Людовикъ IX Святой былъ призванъ третейскимъ судьей между англійскимъ королемъ Генрихомъ III и его баронами. Въ наше время, начиная съ 1870 года такихъ случаевъ имѣется множество: Швейцарія явилась третейскимъ судьей въ спорѣ Англіи съ Соед. Штатами изъ-за крейсера Alabama (1871 г.), Франція разрѣшила споръ между Англіей и Португаліей изъ-за бухты Delagoa (1875). Папа былъ третейскимъ судьей между Германіей и Испаніей въ спорѣ изъ-за Каролинскихъ острововъ (1886 г.). Россія была недавно третейскимъ судьей между Голландіей и Франціей въ спорѣ изъ-за части Гвіаны и т. д. Это все отдѣльные случаи, зависящіе отъ доброй воли сторонъ, но ни матеріально, ни морально не обязательные. Конференція въ Гаагѣ ставитъ вопросъ гораздо шире и хочетъ ввести международный трибуналъ для разрѣшенія споровъ, какъ учрежденіе постоянное. Предложеній объ устройствѣ подобныхъ трибуналовъ, въ формѣ ли обязательнаго до объявленія войны обращенія къ посредничеству дружественной державы, въ формѣ ли особаго постоянного учрежденія, было уже очень много. Такъ, извѣстный въ исторіи международнаго права XXIII протоколъ Парижскаго конгресса 1856 г., заключающій предложеніе графа Clarendon'a о томъ, чтобы до войны обращаться къ посредничеству дружественной націи. Предложеніе, сдѣланное въ 1875 году

въ италянской палатѣ народныхъ представителей депутатомъ Mazini объ устройствѣ международнаго трибунала. На конференціи въ Берлинѣ въ 1885 году въ 12 § генеральнаго протокола конференціи выражено „avis“ о томъ, чтобы державы обращались къ интернаціональному арбитражу. Институтъ международнаго права въ своей очередной сессіи въ Гаагѣ въ 1875 г. выработалъ проектъ примѣненія арбитража („Projet de règlement pour la procedure arbitrale internationale“), состоящій изъ 27-ми статей. Подобные же проекты выработаны англійскимъ дипломатомъ Dudley Field и „Association de Droit international“ въ ея Брюссельской сессіи въ октябрѣ 1895 года. Въ Вашингтонѣ 18 апрѣля 1890 года былъ подписанъ представителями 11-ти американскихъ республикъ проектъ договора, въ силу котораго всѣ возникающія между этими государствами недоразумѣнія должны разбираться третейскимъ судомъ. Проектъ былъ подписанъ, но въ условленный срокъ не послѣдовало ратификаціи. Всѣ перечисленные и еще нѣсколько другихъ проектовъ доказываютъ полную возможность устройства международнаго третейскаго трибунала, какъ постояннаго учрежденія. Изъ этой же мысли исходитъ и новый проектъ, предложенный представителями Россіи на текущей Гаагской конференціи. Проектъ этотъ предполагаетъ установить слѣдующія стадіи: предварительное обращеніе къ посредничеству дружественной державы; въ случаѣ неудачи этого обращенія — вмѣшательство судейскаго трибунала и лишь въ случаѣ неуспѣха и этой попытки — война; такимъ образомъ, для войны будутъ поставлены двѣ рѣшетки, и можно заранѣе съ увѣренностью сказать, что этимъ способомъ число войнъ сведется къ минимуму. По вычисленію такого компетентнаго судьи какъ Marcel Kuart, *сжедневныя* издержки войны между современными двумя европейскими государствами составляли бы колоссальную цифру въ 105.000.000 франковъ. Эта перспектива является наиболѣе убѣдительнымъ доказательствомъ необходимости международнаго третейскаго трибунала. По этому вопросу существуетъ среди членовъ конференціи полное согласіе; и если это будетъ достигнуто, тогда Гаагская конференція явится однимъ изъ величайшихъ событий въ исторіи человѣчества. Сведеніе войны къ минимуму само собою будетъ способствовать всеобщему разоруженію, такъ какъ народы привыкнутъ обращаться къ правовымъ нормамъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ вопросъ рѣшался силой оружія, и при такомъ порядкѣ вещей, можно заранѣе сказать, съ теченіемъ времени войны совершенно уничтожатся и превратятся въ печальное историческое воспоминаніе.

В. Б.

СУДЕБНЫЕ ОТЧЕТЫ.

С.-Петербургскій окружный судъ.

Контрафакція.

Законъ 12 марта 1891 г. объ усновленіи и узаконеніи дѣтей вызвалъ появленіе нѣсколькихъ частныхъ изданій, посвященныхъ комментаріямъ его и изложенію мотивовъ, положенныхъ въ основаніе

этого закона. Такъ появилась небольшая брошюра книгопродавца-издателя Н. К. Мартынова („Усновленіе и узаконеніе дѣтей“); непосредственно вслѣдъ за нею появилась пространная книга К. Н. Шматкова, подъ тѣмъ же заглавіемъ, въ 18 печатныхъ листовъ. Въ этой книгѣ, кромѣ текста самаго закона 1891 г., составитель приводитъ журналъ Государственнаго Совѣта, представленіе министра юстиціи по этому же поводу и подлинныя произведенія по нѣкоторымъ дѣламъ IV и межеваго департаментовъ. Уже послѣ появленія книги г. Шматкова Мартыновъ выпустилъ свою брошюру „объ усновленіи и узаконеніи дѣтей“ вторымъ изданіемъ, „значительно измѣненнымъ и дополненнымъ“, — какъ гласитъ обложка. Это второе изданіе г. Шматковъ считаетъ контрафакціей своей книги, доказывая, что оно не имѣетъ ничего общаго съ первымъ изданіемъ того же составителя и что составляетъ почти сплошное позаимствование изъ его книги.

Въ жалобѣ, поданной въ с.-петербургскій окружный судъ, повѣренный Шматкова, прис. пов. К. В. Недзвѣцкій, указываетъ, на позаимствование Мартыновымъ изъ книги его довѣрителя неопубликованнаго въ общемъ свѣдѣніи матеріала. Право литературной собственности на матеріалъ, собранный изъ неопубликованныхъ источниковъ, — говоритъ онъ, — принадлежитъ первому издателю точно также, какъ это право принадлежитъ первому издателю народныхъ пѣсень, сказокъ и древнихъ рукописей (§ 2 прилож. къ ст. 420 т. X ч. 1). Здѣсь дѣлится не только обработка, но и трудъ добыванія матеріала. Затѣмъ, что касается такихъ общедоступныхъ литературныхъ источниковъ, какъ кассационныя рѣшенія Сената, то частная перепечатка этихъ рѣшеній не можетъ, конечно, составить чью-либо монополию, но какъ только эти рѣшенія подвергнуты какой-либо обработкѣ, хотя бы эта обработка состояла только въ систематизаціи и выборкѣ соответствующихъ мѣстъ по опредѣленнымъ вопросамъ, — они составляютъ уже авторскую собственность того лица (рѣш. по дѣлу Гадука).

Въ брошюрѣ Мартынова имѣется позаимствование литературныхъ матеріаловъ изъ книги Шматкова, въ формѣ и размѣрѣ, недозволенныхъ закономъ.

Г. Мартыновъ въ своей брошюрѣ ссылается на тѣже неопубликованные источники, которые были въ распоряженіи Шматкова. Приведенныя имъ выдержки представляютъ дословную копію разъясненій помѣщенныхъ у Шматкова, за исключеніемъ двухъ-трехъ мѣстъ, взятыхъ изъ Воровиковскаго. Самая выборка цитатъ совершенно сходна съ принятой въ книгѣ Шматкова и только въ рѣдкихъ случаяхъ цитаты эти перефразированы или несущественно сокращены. Убѣдиться въ этомъ можно только путемъ сличенія брошюры Мартынова съ книгой Шматкова. Система брошюры есть та-же система постояннаго комментарія, которая принята Шматовымъ, и перенесеніе Мартыновымъ нѣкоторыхъ разъясненій отъ одной статьи къ другой, конечно, не можетъ считаться существеннымъ измѣненіемъ группировки матеріала.

Незаконный характеръ заимствованій г. Мартынова проявляется, прежде всего, въ неуказаніи источника, изъ коего они слѣданы. Изъ пункта 13 прилож. къ ст. 420 т. X ч. 1 явствуетъ, что законъ ставитъ общимъ условіемъ какихъ бы то ни было литературныхъ заимствованій указаніе ихъ источника; безъ такого указанія должны почитаться контрафакціей даже такія заимствованія, которыя по своимъ размѣрамъ дозволены закономъ. Въ этомъ отношеніи особенно существенно отсутствіе въ книгѣ Мартынова ссылокъ на изданіе Шматкова подъ комментаріями, взятыми изъ неопредѣленныхъ источниковъ. Независимо отъ этого, Мартыновъ нарушилъ другое требованіе закона, заключающагося въ § 15 прилож. къ ст. 420, такъ какъ въ его книгѣ „соб-

ственного текста сочинителя" не только не имѣется вдвое больше противъ позаимствованій но, въ сущности, такого собственного текста у г. Мартынова вовсе нѣтъ. Что же касается размѣра позаимствованій, сдѣланныхъ у Шматкова, то самый бѣглый обзоръ его книги обнаруживаетъ, что въ своихъ заимствованіяхъ онъ превысилъ законный предѣлъ таковыхъ, установленный даже для журнальныхъ статей. По этимъ соображеніямъ г. Недзвѣдкій проситъ о привлеченіи г. Мартынова къ отвѣтственности по 1685 статьѣ ул. о п. и объ отобрании у него всѣхъ еще непроданныхъ экземпляровъ брошюръ „Узаконеніе и усыновленіе дѣтей“. Размѣръ понесенныхъ его довѣрителемъ убытковъ онъ обязуется исчислить въ особомъ прошеніи.

По распоряженію г. судебного слѣдователя 12 участка, въ качествѣ экспертовъ были вызваны прис. пов. Владиміръ Даниловичъ Спасовичъ и Павелъ Васильевичъ Макалинскій (нынѣ покойный). На ихъ разрѣшеніе были предложены слѣдующіе вопросы:

а) Составленные частнымъ обвинителемъ:

1) Что, кромѣ текста закона 12 марта 1891 г., имѣютъ общаго между собою два изданія брошюры Мартынова: а) „Новый законъ о дѣтяхъ незаконныхъ и усыновленныхъ“ изд. 1891 г. и б) „Узаконеніе и усыновленіе дѣтей“ (законъ 12 марта 1891 г.), изд. второе, 1896 года?

2) Можесть-ли брошюра Мартынова „Узаконеніе и усыновленіе дѣтей“ почитаться произведеніемъ литературнымъ съ точки зрѣнія коллекторской или систематизаторской, или интерпретативной, или, наконецъ, критической дѣятельности ея составителя?

3) Что надлежитъ изъ брошюръ Мартынова „Узаконеніе и усыновленіе дѣтей“ выдѣлить, какъ такое, въ чемъ не содержится ничего авторскаго права?

4) Совершивъ такое выдѣленіе, каково пропорціональное отношеніе того, что Мартыновымъ у Шматкова позаимствовано, и того, что можесть быть признано собственностью Мартынова?

5) Чѣмъ объясняется то, что въ брошюрѣ Мартынова повторяются тѣ же самыя отступленія отъ подлинныхъ матеріаловъ (какъ то: пропуски, вставки, измѣненія обыкновеннаго шрифта на курсивъ и т. п.), какія заключаются и въ книгѣ Шматкова?

6) Чѣмъ объясняется то: а) что Мартыновъ, постоянно ссылающійся въ своей брошюрѣ на представленіе министра юстиціи отъ 28 марта 1890 г. за № 411, заимствуетъ, однако, разсужденія, помѣщенные въ этомъ представленіи, не изъ него, а изъ брошюры Носенко „Производство дѣлъ объ узаконеніи и усыновленіи дѣтей“ и б) что Мартыновъ ссылается, на 13 страницъ брошюры, на объяснительную записку Государственнаго Совѣта, между тѣмъ, какъ означенная записка вовсе не оправдываетъ сдѣланной на нее ссылки?

и б) Поставленные судебнымъ слѣдователемъ:

7) Можесть-ли брошюра Шматкова: „Узаконеніе и усыновленіе дѣтей“ почитаться произведеніемъ литературнымъ съ точки зрѣнія коллекторской, или систематизаторской, или толковательной, или критической дѣятельности составителя?

8) Заимствовалъ ли Мартыновъ матеріалъ въ своей брошюрѣ „Узаконеніе и усыновленіе дѣтей“ изъ брошюры Шматкова болѣе разрѣшеннаго закономъ количества и сколько именно?

и 9) Не есть ли брошюра Мартынова простое воспроизведеніе труда Шматкова, или же она таковымъ названа быть не можетъ?

Эксперты устанавливаютъ, прежде всего, что законы и изданія во всеобщее свѣдѣніе распоряженія правительства не подлежатъ праву чьей-либо исключительной частной литературной собственности, доколѣ они не подверглись самостоятельной со стороны издателя переработкѣ; а потому они считаютъ совершенно излишнимъ удостовѣриться въ томъ, помѣщены ли въ книгѣ г. Шматкова приведенные

въ брошюрѣ г. Мартынова разъяснительные законы, на которые г. Шматковъ никакого исключительнаго права имѣть не можетъ.

Указавъ далѣе, что имѣющіяся въ брошюрѣ Мартынова ссылки на Носенко, Боровиковскаго, Вербловскаго, очевидно, заимствованы у этихъ авторовъ, а никакъ не изъ книги г. Шматкова, равно какъ и ссылки на сенатскія рѣшенія и общаго собранія 1-го и кассационныхъ департаментовъ Сената, въ дѣйствительности, отличаются отъ разъясненій, помѣщенныхъ въ брошюрѣ г. Шматкова, какъ по размѣру выписокъ, такъ и по количеству, подробнѣе останавливаются гг. эксперты на заимствованіи представленія министра юстиціи за № 411 и объяснительной записки Государственнаго Совѣта. По этому вопросу они высказываются въ томъ смыслѣ, что если Мартыновъ, — какъ это было въ дѣйствительности, — во время составленія своей брошюры имѣлъ въ своемъ распоряженіи или пользованіи представленіе министра юстиціи и объяснительную записку, то для обвиненія его въ контрафакціи представляется совершенно безразличнымъ, сдѣлалъ ли онъ указанныя извлеченія непосредственно изъ этихъ документовъ, или же изъ соответственныхъ мѣстъ книги Шматкова, причемъ легко могли быть повторены ускользнувшія отъ вниманія мелкія неточности или опечатки, а также родъ шрифта, такъ какъ и въ томъ, и въ другомъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи о нарушеніи правъ литературной собственности Шматкова, и во 2-ыхъ, что, если Мартыновъ, при составленіи своей брошюры, не имѣлъ въ своемъ распоряженіи или пользованіи упомянутыхъ законодательныхъ матеріаловъ, то и въ такомъ случаѣ нельзя признать заимствованія, могущаго превратиться въ контрафакцію, ибо право литературной собственности г. Шматкова на приведенные имъ въ своей книгѣ законодательные мотивы могло бы быть установлено лишь тогда, если бы они съ его стороны подверглись требующей умственного труда переработкѣ, такъ какъ только приложеніе умственного литературнаго, а не какого-либо иного труда, порождаетъ право литературной собственности; одно же исходатайствованіе разрѣшенія на изданіе современныхъ официальныхъ документовъ, съ какими бы трудностями или хлопотами оно ни было сопряжено, а равно воспроизведеніе ихъ не цѣликомъ, а съ пропусками, никакъ не можетъ быть приравнено къ собиранію народныхъ пѣсенъ, пословицъ, сказокъ и т. п., или къ первому изданію древнихъ рукописей и, слѣдовательно, не можетъ установить права литературной собственности на современные законодательные матеріалы, по природѣ своей предназначенныя для общаго свѣдѣнія и пользования и не могущія, поэтому, составлять предмета чьей-либо исключительной собственности.

Исходя изъ этихъ общихъ соображеній, гг. Спасовичъ и Макалинскій дали слѣдующія отвѣты на предложенные имъ вопросы:

1) Независимо отъ текста закона 12 марта 1891 г., обѣ брошюры Мартынова имѣютъ слѣдующія общія черты: онѣ расположены по одной и той же системѣ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что во второй брошюрѣ прибавленъ отдѣлъ: „о дѣтяхъ незаконныхъ“ и что судопроизводственные законы объ узаконеніи и усыновленіи, составлявшіе въ первой брошюрѣ два различныхъ отдѣла, соединены во второй — въ одинъ, съ подраздѣленіемъ на два отдѣленія; въ обѣихъ брошюрахъ разъяснительный матеріалъ излагается по частямъ и нерѣдко одинъ и тотъ же. Съ другой стороны, въ послѣдней брошюрѣ часть прежняго матеріала замѣнена новымъ и введены ссылки на нѣкоторыхъ авторовъ и на законодательные мотивы, чего въ первой брошюрѣ совсѣмъ не было. Въ виду всего этого, Мартыновъ имѣлъ, по мнѣнію экспертовъ, достаточное основаніе назвать послѣднюю свою брошюру вторымъ изданіемъ первой, существенно измѣненнымъ и дополненнымъ.

2) Брошюра Мартынова подъ названіемъ „Узаконеніе и усновленіе дѣтей“ принадлежитъ къ типу изданій чисто компилятивныхъ, которыхъ нельзя назвать литературными произведеніями въ собственномъ смыслѣ этого слова, но которыя, если они добросовѣстно составлены, могутъ удовлетворять насущной потребности населенія въ сборникахъ подобнаго рода. Она не проявляетъ даже никакихъ попытокъ къ толкованію законовъ или къ критикѣ кассационныхъ рѣшеній и другихъ приведенныхъ въ ней источниковъ, и это, очевидно, вовсе не входило въ задачу ея составителя, имѣвшаго въ виду доставить для практическаго пользованія лишь систематически подобранный матеріалъ какъ изъ законовъ, такъ и изъ судебной практики.

3) Выдѣлять изъ брошюры Мартынова тѣ мѣста, которыя сами по себѣ не могутъ быть предметомъ ничьего авторскаго права, не представляется никакого основанія и совершенно безцѣльно, такъ какъ если-бы эта брошюра сплошь состояла изъ подобныхъ мѣстъ, то и въ такомъ случаѣ она, какъ составляющая въ цѣломъ продуктъ умственнаго труда Мартынова, дававшего ей извѣстную форму, несомнѣнно, должна была бы пользоваться охраною закона, какъ предметъ его литературной собственности. Для достиженія цѣли предпринятаго г. судебнымъ слѣдователемъ изслѣдованія слѣдуетъ, наоборотъ, опредѣлить, что именно въ брошюрѣ Мартынова должно быть признано литературною собственностью Шматкова, заимствованною Мартыновымъ изъ его книги; все же остальное въ брошюрѣ Мартынова, согласно смыслу пп. 13—15 прилож. къ ст. 420 (прим. 2) т. X ч. I зак. гражд., должно быть разсматриваемо по отношенію къ Шматкову, какъ принадлежащее самому Мартынову.

4) Приступая къ опредѣленію, что именно изъ помѣщенныхъ въ брошюрѣ Мартынова разъясненій и ссылокъ должно быть признано литературною собственностью Шматкова и не вводя, вообще, въ расчетъ законовъ, перепечатанныхъ или дословно, или *in extenso*, какъ немогущихъ составлять предмета чьей-либо частной исключительной собственности, г. эксперты нашли: во 1-хъ, мѣста брошюры Мартынова, представляющія собою болѣе или менѣе обширныя ссылки на сочиненія гг. Носенко, Боровикова и Вербловскаго, составляя предметъ литературной собственности означенныхъ авторовъ, очевидно, не могутъ быть въ то же время объектомъ авторскаго права и для г. Шматкова; притомъ же, многія изъ этихъ мѣстъ заимствованы Мартыновымъ непосредственно изъ сочиненій этихъ авторовъ. Заимствованія Мартынова у самого Шматкова и ссылки на него составляютъ всего 114 строкъ петита; во 2-хъ, извлеченія изъ представленія министра юстиціи и изъ объяснительной записки Государственнаго Совѣта по основаніямъ, изложеннымъ уже выше, не могутъ быть признаны предметомъ литературной собственности г. Шматкова; въ 3-хъ, напротивъ того, извлеченіе изъ мнѣнія Государственнаго Совѣта, Высочайше утвержденнаго 8 апрѣля 1891 года, какъ представляющее собою значительную со стороны Шматкова переработку упомянутаго акта, можетъ быть разсматриваемо какъ его литературная собственность; оно занимаетъ 32 строки петита; въ 4-хъ, изъ помѣщенныхъ въ брошюрѣ Мартынова положеній, извлеченныхъ изъ рѣшеній гражданскаго кассационнаго департамента Правительствующаго Сената, или ссылокъ на послѣднія, 8 у Шматкова вовсе не встрѣчаются, 3 напечатаны у Шматкова болѣе сжато или короче, 4 приведены подробно, а остальные — въ томъ же почти видѣ, какъ и у Мартынова. Это показываетъ, что если Мартыновъ и руководствовался указаніями Шматкова на кассационныя рѣшенія, то онъ не рабски ямъ слѣдовалъ, а относился къ нимъ критически, и, когда находилъ нужнымъ, дополнялъ или сокращалъ эти указанія, а потому и нельзя признать,

чтобы Мартыновъ, сверхъ пользованія указаніями книги Шматкова, для которыхъ она и предназначена, допустилъ въ этомъ отношеніи заимствованіе продукта умственнаго труда Шматкова; въ 5-хъ, то-же слѣдуетъ признать относительно извлеченій изъ рѣшеній общаго собранія 1-го и кассационныхъ департаментовъ Сената, приведенныхъ у Мартынова въ иной формѣ, чѣмъ у Шматкова и, очевидно, заимствованныхъ не у послѣдняго, а изъ сборника сенатскихъ рѣшеній; въ 6-хъ, что касается ссылокъ на опредѣленія перваго департамента Сената, то указанные опредѣленія Сената были республикованы во всеобщее свѣдѣніе и сдѣланы, такимъ образомъ, общимъ достояніемъ; при такомъ положеніи, и здѣсь не можетъ быть признано право литературной собственности Шматкова. Наконецъ, въ 7-хъ, извлеченія изъ рѣшеній 4-го и межевого департаментовъ Сената, изъ положенія военнаго совѣта и изъ неопубликованнаго циркуляра министра финансовъ можно признать заимствованными Мартыновымъ у Шматкова. Они, въ сложности, занимаютъ 143 строки корпуса и 16 строкъ петита. Всѣ же заимствованія Мартынова у Шматкова составляютъ 143 строки корпуса и 160 строкъ петита, т. е. заимствованія сдѣланы Мартыновымъ у Шматкова въ размѣрѣ, не превышающемъ дозволеннаго пп. 13—15 прим. къ ст. 420 т. X ч. I зак. гражд.

5) Указанныя въ вопросѣ отступленія въ брошюрѣ Мартынова отъ первоначальныхъ источниковъ, тождественныя съ заключающимися въ книгѣ Шматкова, могутъ быть объяснены тѣмъ, что Мартыновъ, сличивъ указанія Шматкова на первоначальные источники съ сими послѣдними, самыя выписки сдѣлалъ не изъ нихъ, а изъ соответственныхъ мѣстъ книги Шматкова, что представляется совершенно безразличнымъ въ отношеніи установленія заимствованія.

6) Брошюра Шматкова „Узаконеніе и усновленіе дѣтей“ не представляетъ собою произведенія литературнаго въ собственномъ смыслѣ слова, и хотя она гораздо полнѣе брошюры Мартынова и обнаруживаетъ приложеніе большаго труда въ приисканіи и извлеченіи разъяснительнаго матеріала, но, тѣмъ не менѣе, она должна быть разсматриваема, какъ работа чисто компилятивная, точно такого же типа, какъ брошюра Мартынова. Правда, въ ней встрѣчаются попытки составителя къ самостоятельной оцѣнкѣ законовъ и судебной практики, но попытки эти настолько незначительны въ количественномъ отношеніи, что г. эксперты затрудняются назвать ее трудомъ интерпретативнымъ.

7) Брошюра Мартынова не можетъ быть названа простымъ воспроизведеніемъ труда Шматкова еще и потому, что если бы даже допустить, что весь матеріалъ заимствованъ Мартыновымъ у Шматкова, то и въ такомъ случаѣ, чтобы сдѣлать изъ книги въ 18 печатныхъ листовъ брошюру въ $2\frac{3}{4}$ листа, необходимо употребить умственный трудъ такого же характера, какой приложенъ Шматковымъ для составленія своей книги.

По ходатайству частнаго обвинителя была назначена новая экспертиза, въ составѣ профессора Спб. университета И. И. Кауфмана и нотариуса Т. Д. Андреева, которые, сравнивъ оба изданія, раздѣлили весь заключающійся въ нихъ матеріалъ на слѣдующія группы: а) неопубликованный матеріалъ официального характера; б) матеріалъ литературный; в) опубликованный матеріалъ официального характера и г) матеріалъ, заимствованный изъ кассационной практики.

А. *Неопубликованныя во всеобщее свѣдѣніе дѣловыя бумаги*, содержащіяся въ сравниваемыхъ изданіяхъ, суть: представленіе м. ю. отъ 28 марта 1890 г. за № 411 „о дѣтяхъ узаконенныхъ и усновленныхъ“, журналъ соединенныхъ департ. Государственнаго Совѣта отъ 19 ноября, 3, 8, 13 и 17 декабря 1890 г. № 22 по тому же предмету, циркуляръ м. ф. отъ

17 июля 1892 г. № 1836 и опредѣленія 4 и межевого департаментовъ Сената.

Что касается представленія м. ю. по проекту закона о дѣтяхъ узаконенныхъ и усыновленныхъ и журнала соединенныхъ департаментовъ Госуд. Совѣта по обсужденію этого предмета, то: 1) по сравненію съ книгою Шматкова, Мартыновъ не только не заимствуетъ изъ пространнаго представленія м. ю. за № 411 въ 46 печатныхъ страницъ и изъ 12 страницъ журнала соед. департ. Госуд. Совѣта ни единого мѣста, но даже къ повтореннымъ имъ тѣмъ же самымъ, что у Шматкова, заимствованиямъ не присоединяетъ изъ подлинниковъ ни одной лишней строки; встрѣчаются лишь ничтожныя урѣзки, которыя, конечно, Мартыновъ могъ дѣлать и не имѣя въ своемъ распоряженіи источниковъ; 2) инкриминируемыя мѣста брошюры носятъ явные слѣды перепечатокъ, повторяя отступленія Шматкова отъ подлинниковъ, какъ-то: уклоненія отъ официальной орфографіи, курсивы, пропуски, поправки и вставки.

2) относительно неопубликованныхъ опредѣленій 4 и межевого департ. Прав. Сената нужно замѣтить, что они существуютъ въ *единственныхъ* экземплярахъ, хранящихся въ Сенатѣ, и, слѣдовательно, предположеніе о томъ, что они могли быть доступны Мартынову частнымъ путемъ, представляется мало вѣроятнымъ. Но, помимо этого, эти опредѣленія, какъ они напечатаны въ брошюрѣ Мартынова, имѣютъ вѣдншіе признаки перепечатки изъ книги Шматкова, повторяя его курсивы.

Въ *отношеніи литературнаго матеріала* можно быть весьма краткимъ, такъ какъ весь этотъ матеріалъ, напечатанный у Мартынова, *дословно* перепечатанъ изъ книги Шматкова, съ фотографическимъ воспроизведеніемъ всѣхъ пропусковъ Шматкова, вставокъ, курсивовъ, опечатокъ и пр.

Въ *Разяснительные законы, правительственныя распоряженія, инструкции, циркуляры, судебныя рѣшенія и пр.* Мартыновъ перепечаталъ изъ книги Шматкова; точно такіе же явные слѣды перепечатокъ носятъ приводимыя имъ правительственныя распоряженія, циркуляры и пр. Касаясь случаевъ изъ практики С.-Петербургскаго окружнаго суда, Мартыновъ указываетъ иногда, подобно Шматкову, даже №№ дѣлъ. Такія подробности были, конечно, извѣстны Шматкову, какъ бывшему секретарю названнаго суда, но ихъ не могъ знать Мартыновъ.

Г. *Рѣшенія гражданскаго кассационнаго департамента и общаго собранія 1-го и кассационныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената 1890-ахъ и. по вопросамъ объ узаконеніи и усыновленіи дѣтей, а также по вопросамъ о матеріальному обезпеченіи незаконныхъ дѣтей*, за исключеніемъ лишь рѣшенія 1895 г. № 17 (объ узаконеніи дѣтей раскольниковъ), изложеннаго у Мартынова иначе, чѣмъ у Шматкова, являются почти тождественными у обоихъ составителей, а потому заимствованными первымъ у послѣдняго.

Наконецъ, даже порядокъ изложенія матеріала у Мартынова тотъ же, что и у Шматкова, т. е. подъ соответствующей статьёю закона у Мартынова находится то же разясненіе, что и у Шматкова. Но чтобы замаскировать такую тождественность съ Шматовымъ въ размѣщеніи матеріала, Мартыновъ прибѣгаетъ къ слѣдующимъ приемамъ: онъ, прежде всего, цѣликомъ беретъ 132 ст. зак. гражд. (между тѣмъ, какъ только первый пунктъ ея имѣетъ своимъ источникомъ законъ 12 марта 1891 г.), перерабатываетъ отдѣльныя, тѣсно связанныя части этой статьи и, безъ всякаго плана и системы, заполняетъ образовавшіяся отъ этого промежутки и министерскими соображеніями объ усыновленіи дѣтей, и двумя или тремя взятыми у другихъ авторовъ выписками изъ сенатскихъ рѣшеній. Далѣе, какое-либо разясненіе, находящееся у Шматкова въ текстѣ подъ какой-либо одной статьёю закона, Мартыновъ иногда перемѣщаетъ въ текстъ подъ какой-либо другой

статьёю. Въ одномъ случаѣ Шматковъ разбилъ цитируемое мѣсто изъ представленія м. ю. за № 411 на двѣ отдѣльныя части, причемъ указалъ подъ каждою изъ этихъ частей одну и ту же страницу представленія. Такое указаніе Шматкова даетъ Мартынову возможность воссоединить разобщенныя Шматовымъ части и онъ, дѣйствительно, дѣлаетъ одну сплошную выписку.

Остается ли, за указанными позаимствованиями, у Мартынова такой незаимствованный у Шматкова текстъ, который бы могъ *едвое* покрыть то, что онъ у Шматкова заимствовалъ?

На этотъ вопросъ гг. эксперты отвѣчаютъ отрицательно, приди, путемъ подсчета, къ выводу, что въ брошюрѣ Мартынова заключается 367 строкъ незаимствованныхъ на 1,020 строкъ заимствованныхъ у Шматкова.

Дѣло слушалось 16 мая, по II отдѣленію С.-Петербургскаго окружнаго суда, безъ участія присяжныхъ засѣдателей. Повѣреннымъ частнаго обвинителя выступилъ прис. пов. А. Е. Винтергальтеръ, обвиняемаго защищаль прис. пов. Н. Е. Шулепниковъ.

Въ качествѣ эксперта на судебномъ слѣдствіи былъ вызванъ В. Д. Спасовичъ, который подтвердилъ экспертизу, данную имъ, совмѣстно съ покойнымъ П. В. Макалинскимъ, на предварительномъ слѣдствіи, подробно уже нами приведенную.

Прис. пов. Винтергальтеръ, повторивъ общія положенія объ отвѣтственности контрафактора, заключающіяся въ жалобѣ, и, придерживаясь выводовъ второй экспертизы, произведенной согласно указанію второго суда, указалъ, что если принять выводъ второй экспертизы, то окажется, что на 367 строкъ своего текста у Мартынова имѣется 1020 строкъ текста, заимствованнаго у Шматкова, т. е., что личность контрафакціи установлена.

Что касается гражданскаго иска, то онъ просилъ признать его въ суммѣ 3,000 р., исходя при этомъ расчетѣ изъ того, что Мартыновымъ отпечатано 2,000 экзempl. и что имъ къ дѣлу не представлено ни одного экземпляра непроданнаго.

Прис. пов. Шулепниковъ указалъ, что такъ какъ 1685 ст. улож., по которой предъявлено обвиненіе, отсылаетъ къ законамъ гражданскимъ, то обвинителю необходимо доказать, какое нарушеніе его авторскаго права допустилъ Мартыновъ. Въ жалобѣ указаны три основанія: п. 2, п. 13 и п. 15 прилож. къ ст. 420 т. X ч. 1. Нарушенія эти несомнѣстны, такъ какъ въ пунктѣ 2 говорится объ издаваніяхъ народныхъ пѣсенъ, пословицъ, сказокъ и повѣстей, сохраненныхъ однимъ изустнымъ преданіемъ, или же древнихъ рукописей, къ разряду каковыхъ произведеній не можетъ быть отнесена брошюра Шматкова; пунктъ 13, по буквальному своему содержанію, также не можетъ быть отнесенъ къ настоящему дѣлу, а для примѣненія п. 15 въ дѣлѣ не имѣется основаній, такъ какъ изъ наружнаго осмотра, произведеннаго по дѣлу, усматривается, что брошюра Мартынова заключается всего $2\frac{3}{4}$ печатныхъ листа, тогда какъ книга Шматкова, посвященная тому же предмету, обнимаетъ 18 печатныхъ листовъ; между тѣмъ, для примѣненія п. 15 требуется выписка болѣе $\frac{1}{2}$ книги, подвергшейся контрафакціи. Съ другой стороны, брошюра Мартынова не является сплошнымъ механическимъ воспроизведеніемъ книги Шматкова. Разобравъ затѣмъ заключенія, данныя обѣими экспертизами, и отдавая предпочтеніе заключенію первой экспертизы, какъ научно обоснованной, г. Шулепниковъ указалъ, что изъ 1,504 строкъ текста Мартынова только 303 строки заимствованы Мартыновымъ у Шматкова.

Переходя къ гражданскому иску, защитникъ указалъ, что на обязанности гражданскаго истца лежитъ доказать размѣръ этихъ убытковъ, представивъ къ тому данныя, и что п. 20 прилож. къ ст. 420 т. X ч. 1 къ настоящему случаю, когда нѣтъ

на лицо ни полного воспроизведения книги, ни самостоятельного воспроизведения какой-либо ее части,—применения имѣть не можетъ. Сославшись въ этомъ отношеніи на мнѣнія Шершеневича, Анненкова, Гольмстена и Спасовича и на рѣшеніе уголовного кассационнаго департамента 1886 г. № 46, Шулепниковъ просилъ въ искѣ отказать, по его недоказанности, а обвиняемаго оправдать.

Окружный судъ опредѣлилъ: признавъ Мартынова виновнымъ по 1635 ст. улож. о нак., на основаніи Всемилоствѣйшаго манифеста 14 мая 1896 г., отъ денежнаго взыскаія освободить; присудить съ него въ пользу Шматкова, въ вознагражденіе за убытки, причиненные послѣднему незаконною перепечаткою его книги, 2,800 рублей. Рѣшеніе въ окончательной формѣ будетъ объявлено 1 іюня.

С.-Петербургскій окружный судъ.

Дѣло Мерзвинской ¹⁾.

Рѣчи сторонъ.

(Окончаніе).

Присяжный повѣренный В. О. Леонтьевъ. II-й принесъ слѣдующую рѣчь:

Гг. присяжные засѣдатели! Тяжелое, страшное обвиненіе предъявляется къ Мерзвинской и тяжелый, страшный, чуть ли не сверхъестественный типъ рисуется намъ обвинитель въ образѣ Мерзвинской! Это — женщина, отъ которой вѣетъ какимъ-то тлетворнымъ духомъ: она губитъ все, съ чѣмъ соприкасается, убиваетъ всѣхъ, кто съ нею встрѣчается! Одного она убиваетъ изъ ревности, другого — изъ корысти, третьяго — *для пробы*, четвертаго — *повидимому*, для провѣрки этой пробы. Въ то же время она воруетъ дѣтей, совершаетъ подлоги, похищаетъ и присваиваетъ чужія вещи, выманиваетъ деньги слезами и угрозами, добываетъ деньги способами самыми разнообразными, но всегда безнравственными и преступными. Если всему этому повѣрить, если охватить воображеніемъ всю эту картину, то получится зрѣлище весьма эффектное и наше дѣло — „интересное“ дѣло. Но мы пришли сюда не для эффектовъ, не для интереснаго зрѣлища: мы пришли для трудной и отвѣтственной работы. Поэтому мы не должны досадовать на чувство нѣкотораго разочарованія, когда вмѣсто грандіозныхъ злодѣевъ, вмѣсто титаническихъ характеровъ, мы увидимъ людей сѣреныхъ, блѣдныхъ, грязноватыхъ и хотя и преступныхъ, но слишкомъ мелкихъ и ни на что крупное неспособныхъ. А такой видъ непременно представитъ намъ дѣло, когда мы станемъ изучать его не по фантазіи, не по чувству, не по довѣрью къ словамъ обвиненія, не по догадкамъ и предположеніямъ, хотя бы и весьма остроумнымъ, а по тѣмъ несомнѣннымъ фактамъ, которые дало намъ судебное слѣдствіе; все же неясное, загадочное не будемъ восполнять своимъ воображеніемъ, а выкинемъ изъ дѣла, какъ лишнюю тяжесть, какъ слишкомъ ненадежный матеріалъ для сужденія о судьбѣ челоуѣка и для произнесенія о немъ рѣшающаго слова.

Приступимъ же, гг. присяжные засѣдатели, къ изученію нашей печальной повѣсти „по былинамъ сего времени, а не по замышленію баяню“, и вспомнимъ прежде всего, какъ началось это дѣло. Когда въ 1896 году одна за другой умерли обѣ сестры Пучевичъ, событие это, весьма естественно, вызвало и напугало всѣхъ ихъ родныхъ и знакомыхъ. Неожиданная смерть двухъ молодыхъ женщинъ въ теченіе одного мѣсяца представлялась чѣмъ-то загадочнымъ. Стали подозрѣвать неестественную смерть.

Заговорили объ отравленіи. Эта послѣдняя мысль особенно укрѣпилась съ тѣхъ поръ, какъ на слѣдующую весну случайно нашли зарытымъ въ землю пузырекъ съ какою-то жидкостью. Старикъ Пучевичъ явился къ прокурору и подалъ заявленіе съ просьбою разслѣдовать дѣло. Началось слѣдствіе. Пузырекъ съ жидкостью былъ отправленъ къ профессору Пелю для изслѣдованія. Профессоръ Пель произвелъ анализъ подозрительной жидкости, и оказалось, что ничего ядовитаго въ ней не содержится.

Но слово „отравленіе“ было уже произнесено, ядъ уже искали. Его не нашли въ пузырькѣ, стали искать въ трупахъ и нашли: во внутренностяхъ обихъ сестеръ Пучевичъ оказалось известное количество мышьяку и ртути. Когда черезъ нѣсколько времени слѣдствію пришлось столкнуться съ обстоятельствами смерти Соколова, то мысль объ отравленіи являлась уже подготовленной. Трупъ Соколова также вскрыли и во внутренностяхъ его также нашли мышьякъ и ртуть. Такимъ образомъ, ядъ былъ найденъ. Но найти ядъ еще не значитъ найти отравленіе. Для этого нужны еще и другія данныя. Приглашенные слѣдствіемъ а затѣмъ и судомъ эксперты нашли такія данныя и сказали намъ, что какъ Соколовъ, такъ и обѣ сестры Пучевичъ умерли отъ отравленія.

Вотъ первое серьезное обстоятельство, съ которымъ мы должны считаться въ настоящемъ дѣлѣ. Какъ же должны мы отнестись къ этому обстоятельству, къ этому заключенію экспертовъ? Г. товарищъ прокурора говоритъ, что выводы экспертизы нельзя оспаривать; что для экспертизы были вызваны лучшія силы и ей нельзя не вѣрить. Я не знаю, почему же это такъ? Вѣдь экспертиза — не какой-либо непреложный законъ, а только мнѣніе известной группы людей. Почему же намъ не относиться къ нему критически, какъ и ко всякому другому мнѣнію? Я нисколько не сомнѣваюсь въ добросовѣстности экспертовъ, нисколько не сомнѣваюсь въ глубинѣ ихъ знанія, но мнѣніе ихъ все-таки могу считать недостаточно сильнымъ для того, чтобы безусловно принять его, какъ правильное. Здѣсь нужно только разграничить, что можетъ полагать мой критикъ и что не можетъ. Я не могу спорить съ экспертомъ, когда онъ говоритъ мнѣ о свойствахъ мышьяка, потому что я не химикъ. Я не могу спорить съ нимъ, когда онъ говоритъ о признакахъ отравленія, потому что я не медикъ. Но у меня есть и нѣчто общее съ гг. экспертами: я также не лишень известной дозы наблюдательности, известной дозы логичности и известной дозы памяти. Эти свойства позволяютъ мнѣ замѣтить, что гг. эксперты кое на что не обратили вниманія, кое чего вовсе не имѣли въ виду, а затѣмъ — что и самый матеріалъ, которымъ они пользовались для своихъ выводовъ, представляется не вполне достаточнымъ и далеко несовершеннымъ. А при такихъ условіяхъ я считаю себя вправѣ думать, что мнѣніе экспертовъ, какъ основанное на недостаточныхъ и неточныхъ данныхъ, не можетъ быть безусловно вѣрнымъ: оно заключаетъ въ себѣ возможность ошибки, и потому я не могу относиться къ нему какъ къ точно установленной и неподлежащей сомнѣнію истинѣ. Обратимся же теперь къ экспертизѣ, выслушавъ нами вчера, и посмотримъ, насколько совершеннымъ и полнымъ матеріаломъ пользовались гг. эксперты для своихъ выводовъ.

Профессоръ Ивановскій разъяснилъ намъ, что одного факта находженія въ трупахъ мышьяка онъ считаетъ еще недостаточнымъ для признанія отравленія. Но сопоставляя этотъ фактъ съ тѣми болѣзненными явленіями, которыя наблюдали лѣчившіе Соколова и сестеръ Пучевичъ врачи, онъ усматриваетъ известную связь между этими явленіями и находженіемъ мышьяка, и эта связь приводитъ его къ убѣжденію объ отравленіи. Другими словами — тѣ болѣзненные признаки, о которыхъ говорятъ

¹⁾ См. „Право“ № 20.

врачи, соответствуют признакамъ отравленія. Эти признаки профессоръ Ивановскій усматриваетъ главнымъ образомъ въ желудочно-кишечномъ расстройствѣ. Но этотъ признакъ не единственный и не исключительный. Его одного также было бы недостаточно. Существуютъ и другіе признаки, которыхъ профессоръ Ивановскій намъ не называетъ. Но если эксперты основываютъ свое заключеніе на тѣхъ признакахъ, о которыхъ говорятъ врачи, то мы тогда только можемъ считать эти признаки вполне установленными и имѣющими значеніе для дѣла, тогда увидимъ, что всѣ врачи говорятъ объ одномъ и томъ же; что всѣ они и во всѣхъ трехъ случаяхъ замѣтили одни и тѣ же явленія; что всѣ они и во всѣхъ трехъ случаяхъ въ началѣ болѣзни, въ ея теченіи и концѣ находили одну и ту же картину. Только при такомъ условіи полнѣйшей тождественности наблюденій мы можемъ считать сообщенныя намъ врачами свѣдѣнія пригоднымъ для экспертизы матеріаломъ. Если всѣ послѣдствія произошли отъ одной причины, то они вездѣ должны быть одинаковыми или, по крайней мѣрѣ, сходственными. Разнообразія здѣсь быть не должно; точно также какъ не должно быть разногласія и противорѣчій въ показаніяхъ врачей. Но развѣ мы видимъ что-нибудь подобное въ настоящемъ дѣлѣ? Развѣ врачи говорили намъ объ одномъ и томъ же? Развѣ они установили намъ какую-нибудь одну общую картину для всѣхъ трехъ случаевъ? Находили-ли они одну болѣзнь—или если и разныя, то хотя похожія одна на другую болѣзни? Наблюдали-ли они одинаковыя явленія? Посмотримъ. Вотъ что показали врачи: врачъ Смирновъ нашелъ у Соколова натуральную желтуху, Тувимъ—ракъ или заворотъ кишки, Твирбутъ—нервное расстройство, Покровскій—холодородное острое воспаленіе кишки, Лопатинскій—желчные камни или задержку желчи, а врачъ Вышегородскій не нашелъ ничего ни характернаго, ни опаснаго. Онъ счелъ необходимымъ подать только первоначальную помощь и выждать, что дальше будетъ. Ждать пришлось недолго, потому что больной въ тотъ же день умеръ. Въ свѣдѣтельствѣ о смерти Соколова сказано, что онъ умеръ отъ болѣзни печени и сердца. Что касается до сестеръ Пучевичъ, то хотя намъ и говорятъ, что болѣзнь одной во всемъ походила на болѣзнь другой, однако г-жа Серебренникова нашла у Екатерины Пучевичъ брюшной тифъ, а д-ръ Омелянскій—дифтеритъ, и въ свѣдѣтельствѣ о ея смерти сказано, что она умерла отъ остраго малокровія и язвеннаго катарра зѣва; у Эмилиі же г. г. Мосинъ и Фейнбергъ, по консултации, нашли острый желудочнокишечный катарръ! Это—опредѣленіе болѣзни, а теперь посмотримъ на сколько сходные признаки усматривали врачи во всѣхъ трехъ случаяхъ. Врачъ Смирновъ нашелъ, что цвѣтъ кожи у Соколова былъ очень желтый; г. Тувимъ говорить, что цвѣтъ кожи былъ сѣровато-блѣдный, но не желтый; г. Покровскій совершенно не помнитъ, какой былъ цвѣтъ кожи, помнить только, что лицо было покрыто липкимъ потомъ. Относительно рвоты г. Смирновъ говорить, что рвота была, но не частая; другіе врачи рвоты совсѣмъ не видали, хотя слышали, что больного рвало. На головныя боли, по словамъ д-ра Твирбута, больной не жаловался. Между тѣмъ у сестеръ Пучевичъ, умершихъ, какъ намъ говорятъ, отъ той же причины, что и Соколовъ, была сильная рвота и обѣ онѣ жаловались на головокруженіе и головныя боли. У Екатерины Пучевичъ д-ръ Омелянскій видѣлъ въ горлѣ какіе-то налеты темнаго цвѣта; другіе врачи такихъ налетовъ у нея не видали. У Эмилиі г. Фейнбергъ видѣлъ какіе то блѣсоватые налеты, врачъ же Орловъ говорить, что это были не налеты, а только блѣдность. Что касается до Соколова, то у него ни одинъ врачъ никакихъ налетовъ не видалъ. Вотъ какія разнообразныя, противорѣчивыя и далеко не

точные свѣдѣнія сообщаютъ намъ врачи о болѣзни Соколова и сестеръ Пучевичъ. Вотъ до чего не похожие другъ на друга признаки они видѣли въ болѣзняхъ этихъ трехъ лицъ. А вотъ чего они совсѣмъ не видѣли: глазного яблока не осматривали, зрачковъ тоже, рвотныхъ и каловыхъ изверженій не изслѣдовали. Такъ они отвѣтили на предложенные имъ г. экспертами вопросы. И вотъ эти-то отрывочныя, неточныя, неполныя и во многомъ противорѣчащія другъ другу показанія врачей послужили г. экспертамъ основаніемъ для ихъ заключенія. Неужели же мы должны признать это основаніе прочнымъ? Неужели мы должны повѣрить, что для констатированія отравленія экспертиза имѣла вполне опредѣленныя, точныя, строго пробрѣренныя данныя? А если этого не было, то неужели мы все-таки обязаны признать экспертизу достаточно сильною, чтобы фактъ отравленія считать несомнѣнно доказаннымъ? Я думаю, что это не такъ. Я думаю, что экспертиза только можетъ играть роль доказательства, когда сама она построена на фактахъ, не возбуждающихъ сомнѣнія, а этого мы въ настоящемъ дѣлѣ не видѣли.

Но попробуемъ согласиться съ экспертизой. Допустимъ, что отравленіе доказано. Почему же мы должны думать, что въ отравленіи виновата именно Мержвинская? Г. товарищъ прокурора сказалъ совершенно вѣрно, что каждое отравленіе можетъ обуславливаться двумя причинами: человекъ или самъ себя отравилъ, или его отравили другіе, и какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ отравленіе можетъ быть или умышенное, или неумышенное. Почему же въ данномъ случаѣ мы должны предполагать именно умышенное отравленіе и этотъ умыселъ приписывать именно Мержвинской? Г. товарищъ прокурора исходитъ изъ того соображенія, что Соколовъ былъ человекъ жизнерадостный, а сестры Пучевичъ—здоровыя и веселыя молодыя женщины, и поэтому никто изъ нихъ не могъ дойти до самоубійства. Да такъ-ли это? Правда-ли, что Соколовъ былъ человекъ жизнерадостный? Дѣйствительно, мы знаемъ о Соколовѣ, что онъ постоянно ухаживалъ за женщинами и всегда съ успѣхомъ. Мы знаемъ, что иногда онъ ухаживалъ за двумя и за тремя женщинами сразу и у всѣхъ троихъ имѣлъ успѣхъ. Но развѣ этотъ самый успѣхъ, эта одновременная жизнь съ нѣсколькими женщинами, изъ которыхъ каждая предъявляетъ на него свои права, не могли въ концѣ-концовъ тяготить его? А Эмилию Пучевичъ? Развѣ она была счастлива? Развѣ можно назвать счастливою женщину, при живомъ мужѣ обреченную на безбрачіе,—женщину, которая воочию видитъ, какъ мужъ ея увлекается другими? Да и можно-ли, вообще говоря, угадать всѣ тѣ причины, которыя доводятъ человека до мысли о самоубійствѣ? Но если и допустить, что и Соколовъ, и Пучевичъ были кѣмъ-нибудь отравлены, то опять-таки встаетъ тотъ же вопросъ: почему же этотъ кто-нибудь непременно Мержвинская? Г. товарищъ прокурора заявляетъ намъ, что отравленіе—преступленіе спеціально женское. Ну, насколько это вѣрно, я судить не берусь. Но повѣримъ на слово г. товарищу прокурора. Какой же выводъ мы должны сдѣлать изъ этого? Мержвинская, конечно, женщина. Но развѣ возлѣ Соколова, напримѣръ, была одна только Мержвинская? Развѣ другихъ женщинъ тамъ не было? Я никого не хочу обвинять, но если ужъ вужно исходить изъ того предположенія, что отравилъ могла только женщина, то почему же не могла отравить Соколова Мути, на которой онъ обѣщалъ жениться и которую онъ обманулъ; почему не могла сдѣлать этого Титова, на которой онъ также обѣщалъ жениться и которую онъ также обманулъ? Если съ Титовой онъ въ это время не видался, то этого нельзя сказать по отношенію къ Мути, у которой онъ, по ея собственнымъ словамъ, бывалъ почти каждый день? Но ни одного изъ этихъ предположеній обвиненіе допустить не хочется,

а старается увѣрить насъ, что отравить Соколова не могъ никто, кромѣ Мержвинской. Да за что же она могла отравить Соколова? Какой же мотивъ могъ быть у нея, чтобы совершить такое страшное преступленіе по отношенію къ человѣку, котораго она несомнѣнно любила? Такихъ мотивовъ обвиненіе предполагаетъ два: ревность и корысть. Здѣсь позвольте, гг. присяжные засѣдатели, сдѣлать маленькое отступленіе. Для доказательства виновности Мержвинской, какъ г. товарищемъ прокурора, такъ и повѣреннымъ гражданскаго истца приводились различные соображенія чисто психологическаго свойства. Я не особенный поклонникъ такихъ доказательствъ. Я думаю, что психологія, дѣйствительно, пала о двухъ концахъ, и каждое психологическое соображеніе можетъ говорить и за и противъ того положенія, которое желаютъ доказать. Поэтому то обыкновенно и бываетъ такъ, что когда ссылаются на психологію, то, въ сущности, каждый мѣряетъ на свой аршинъ и подъ видомъ психологическаго закона говоритъ лишь о томъ, какъ бы онъ самъ, по своему собственному складу, могъ поступить въ томъ или другомъ случаѣ. Но если ужъ позволительно говорить о психологіи, то неужели представляется сообразнымъ съ какимъ-нибудь психологическимъ закономъ совмѣщеніе такихъ двухъ мотивовъ для убійства, какъ корысть и ревность? Я этого не могу допустить. Я думаю, что эти два мотива исключаютъ другъ друга: кого ревнуютъ, того не грабятъ. Теперь посмотримъ, насколько правдоподобнымъ является самое предположеніе о ревности. Мы знаемъ, что, проживъ съ Мержвинскою пятнадцать лѣтъ, Соколовъ въ теченіе всего этого времени имѣлъ связи и съ другими женщинами; мы знаемъ также, что всѣ эти связи никогда не были тайною для Мержвинской: она знала про его связь съ Титовой, съ Мути, съ бѣловшейкой Лаврентьевой, знала, конечно, и про другія связи, о которыхъ мы не знаемъ. Намъ извѣстно далѣе, что и Мержвинская въ то же самое время не довольствовалась однимъ Соколовымъ и что и Соколовъ съ своей стороны также зналъ объ этомъ. Онъ зналъ, напримѣръ, что къ ней ходитъ Гамза, и ничего не имѣлъ противъ этого; онъ просилъ только устроить дѣло такъ, чтобы ему не встрѣчаться съ Гамзой у Мержвинской. Такимъ образомъ, каждый изъ нихъ прекрасно зналъ про всѣ связи другого и никто изъ нихъ ничего противъ этого не имѣлъ. Почему же на шестнадцатый годъ этихъ покладливыхъ отношеній другъ къ другу, Мержвинская вдругъ проявила такую страшную и необузданную ревность? Намъ говорятъ, что Мержвинская и раньше ревновала Соколова и, какъ на примѣръ указываютъ, что она преслѣдовала г-жу Титову, собиралась даже убить или ее, или Соколова, и Соколовъ, чтобы спасти Титову, вынужденъ былъ отправить ее въ Москву. Да, Соколовъ, дѣйствительно, все это говорилъ Титовой и въ Москву ее отправилъ, но дѣло объясняется нѣсколько иначе. Когда Титова вернулась изъ Москвы, она увидѣла, что Соколовъ уже сошелся съ Мути и даже поселился у нея. Мержвинская же никакихъ покушеній на Титову ни въ это время, ни послѣ не дѣлала. Говорятъ намъ также, что лѣтомъ 1895 года у Мержвинской явился особый поводъ для ревности: Соколовъ хотѣлъ жениться на Мути. Да вѣдь Соколовъ и Титовой обѣщавалъ жениться; однако, Мержвинская его тогда не убивала. Да и неужели кто-нибудь вѣрилъ въ его женитьбу на Мути? Что онъ сдѣлалъ для того, чтобы кто-нибудь могъ въ это повѣрить? Онъ сказалъ Мути, что онъ женится на ней; что для этого ему нужно развестись съ женой; что при этомъ для полученія права на вступленіе во второй бракъ онъ долженъ быть ввѣ всякихъ подозрѣній и не долженъ оставаться подъ одной кровлей съ какою-нибудь женщиной. Поэтому, онъ выѣхалъ отъ Мути и... поселился у Мержвинской. И Мути про это зна-

ла. Онъ продолжалъ бывать у Мути, и про это всѣ знали, и, конечно, ни Мути, ни Соколовъ, ни Мержвинская, никто въ эту свадьбу не вѣрилъ, и Мержвинской ревновать не было повода.

Посмотримъ теперь, насколько основательны предположенія о корыстной цѣли. Обвиненіе увѣряетъ насъ, что Мержвинская отравила Соколова съ цѣлью воспользоваться его выигрышемъ въ 5000 р. Да позвольте, посчитайте-ка хорошенько, много-ли у Соколова оставалось отъ этихъ пяти тысячъ. Мы знаемъ прежде всего, что, за учетомъ, онъ получилъ по своему билету отъ банкирскаго конторы Вавельберга не 5000, а только 4700 рублей. Затѣмъ мы знаемъ, что 300 рублей изъ этихъ денегъ онъ истратилъ на выкупъ заложенныхъ вещей Мути; изъ этихъ же денегъ онъ сдѣлалъ новую обстановку для Мержвинской. Обстановка эта хотя и скромная, но, все-таки, рублей полтора-двѣсти стоитъ. Затѣмъ, онъ каждый мѣсяцъ уплачивалъ Титовой по двадцати рублей; каждый мѣсяцъ платилъ по какому-то векселю. Вспомните при этомъ, что онъ отвѣтилъ г. Окрошкову, когда тотъ поздравлялъ его съ выигрышемъ. Онъ сказалъ: „вы знаете мои обстоятельства. Это—капля въ морѣ“. Вспомните, что онъ все время продолжалъ тратиться на Мержвинскую и на другихъ женщинъ, а жалованья получалъ всего 49 рублей въ мѣсяцъ, и хотя и былъ помощникомъ эконома, но, какъ выяснилось, никакихъ доходовъ по этой должности не получалъ, потому что дѣлъ съ подрядчиками не имѣлъ. Подумайте же, надолго-ли ему хватило этихъ пяти тысячъ и на какую же сумму могла пристыдиться Мержвинская, отравляя Соколова! Но г. товарищъ прокурора, настаивая на корыстной цѣли, указываетъ на то обстоятельство, что у Мержвинской при арестованіи оказалось около трехъ тысячъ рублей, и спрашиваетъ: откуда же у нея могли взяться эти деньги, если это не были деньги Соколова? Какъ откуда? Да развѣ мы не знаемъ, что Мержвинская прежде всего получала извѣстную сумму отъ матери, что ей помогали Соколовъ и ксендзъ Колупайло, который однажды далъ ей семьсотъ рублей, а въ разное время давалъ болѣе мелкія суммы. Наконецъ, имѣла же она и акушерскую практику, которая давала ей иногда скромный, а иногда и хорошій заработокъ. Мы слышали, что ей платили иногда и по 75 и по сто рублей. Почему же не вѣрить, что она могла дѣлать сбереженія и въ пятнадцать лѣтъ скопить около трехъ тысячъ? Но г. товарищъ прокурора не вѣритъ и удивляется, почему же у нея въ сберегательной кассѣ никогда не было крупныхъ суммъ, почему она вносила въ кассу только мелкія суммы, а не крупныя. Почему она такъ дѣлала? Ну, на это отвѣтъ простой: да потому, что всѣ такъ дѣлаютъ. Всѣ вносятъ въ сберегательную кассу мелкія суммы, а на крупныя покупаютъ процентные билеты. Такъ дѣлала и Мержвинская: когда въ кассѣ накоплялось достаточно, она покупала билеты. Наконецъ, г. г. присяжные засѣдатели, я готовъ даже допустить, что Мержвинская воспользовалась деньгами Соколова, но если она это сдѣлала, то она взяла ихъ послѣ смерти Соколова, какъ это вообще довольно часто дѣлается, но она не убивала Соколова ради этихъ денегъ. Я не могу въ это повѣрить. Я не могу вообще повѣрить обвиненію, выраженному только одной формулой безъ всякаго ея развитія, и когда мнѣ проносятъ фразу: „Мержвинская убила Соколова“, я разбираю эту фразу, какъ въ классныхъ упражненіяхъ и задаю послѣдующіе вопросы: гдѣ? когда? при какихъ обстоятельствахъ?

Но обвиненіе не даетъ отвѣта на эти вопросы. Оно только продолжаетъ ни въ чемъ не вѣрить Мержвинской и каждое ея слово, каждое движеніе объясняетъ, какъ притворство, какъ расчетъ, какъ стремленіе скрыть свое преступленіе и отвлечь отъ себя подозрѣніе! Когда Соколовъ захворалъ и испуганная Мержвинская начала бросаться отъ одного

доктора къ другому, когда она въ теченіе восьми дней позвала шесть врачей, она, по мнѣнію товарища прокурора, дѣлала это только для того, чтобы сбить слѣды и вѣрнѣе погубить Соколова, такъ какъ она, будто-бы, знала, что противорѣчивые совѣты и предписанія врачей только повредятъ ему. Да откуда же она это могла знать? Какъ она могла знать, что скажутъ врачи и что они будутъ предписывать? А что если бы кто-нибудь изъ тѣхъ шести врачей немножко иначе отвесилъ къ дѣлу? Что если бы кто-нибудь изъ нихъ вздумалъ, напримеръ, изслѣдовать рвоту, испражненія и т. д., если бы кто-нибудь изъ нихъ сумѣлъ констатировать отравленіе? Въдь она всѣмъ этимъ рисковала, и неужели она, такая предусмотрительная, ни разу не остановилась на такомъ соображеніи? Если такое отношеніе Мержвинской къ больному, такое метаніе ея отъ врача къ врачу представляется въ глазахъ обвинителя подозрительнымъ, то интересно, чѣмъ же объясняетъ онъ то, что когда хворали сестры Пучевичъ, то ихъ родные точно также бросались отъ одного доктора къ другому, мѣняли ихъ, созывали консплюмы и т. д., словомъ—дѣлали то же, что и Мержвинская?

Я не буду слишкомъ утруждать вашего вниманія, гг. присяжные засѣдатели, изложеніемъ обстоятельствъ, при которыхъ произошла смерть Екатерины и Эмили Пучевичъ. Этихъ обстоятельствъ обвиненіе приводитъ такъ много, что всѣхъ ихъ даже и не вспомнить одному человѣку. Можетъ быть, вы съ большимъ успѣхомъ сдѣлаете это въ своей совѣщательной комнатѣ, а я позволю себѣ только замѣтить, что всѣ эти обстоятельства сводятся только къ слухамъ, сплетнямъ, предположеніямъ и догадкамъ, а фактическаго матеріала никакого не представляютъ. Намъ хотятъ увѣрить, что Мержвинская отравила: Екатерину Пучевичъ, Эмилию Пучевичъ, Маргариту Пучевичъ, кухарку Пучевича, Екатерину Пригницъ и, наконецъ, собаку Пучевича. Доказательства отравленія усматриваютъ въ томъ, что у всѣхъ, не исключая даже и собаки, появились одни и тѣ же болѣзненные признаки. Но на мой взглядъ, чѣмъ больше такихъ обвиненій предъявляется къ Мержвинской, тѣмъ менѣе они представляются доказательными. Въ самомъ дѣлѣ, въдь если болѣзнь у всѣхъ характеризовалась одними и тѣми же явленіями, то почему же въ двухъ случаяхъ былъ найденъ ядъ, а во всѣхъ другихъ нѣтъ? Въдь во внутренностяхъ собаки, напримеръ, мышьяку не оказалось, а между тѣмъ у нея во время болѣзни замѣчали то же, что и у людей? Когда впоследствии умерла вторая жена Оскара Пучевича—Марія, признаки болѣзни были тѣ же самыя, а мышьяку во внутренностяхъ не оказалось. Значитъ, и съ мышьякомъ и безъ мышьяку явленія были одинаковы, а причины, очевидно, разныя. Между тѣмъ, съ кѣмъ бы что ни случилось, во всемъ подозрѣваютъ Мержвинскую, вездѣ ищутъ ея вину. Говорятъ, что дѣвочка Маргарита захворала отъ леденца, даннаго ей Мержвинскою; г-жа Пригницъ—отъ хлѣба съ масломъ, приготовленнаго Мержвинскою; Екатерина и Эмилиа умерли отъ конфетъ, данныхъ Мержвинскою. Между тѣмъ, дѣвочка не успѣла даже илизнуть этого леденца, потому что кухарка сейчасъ же вырвала его изъ рта дѣвочки; она и сама взяла-было его въ ротъ, но сейчасъ же выплюнула, такъ что леденецъ, если и былъ отравленъ, то никакого дѣйствія произвести не могъ. Интересно при этомъ и то, что, несмотря на всю подозрительность этого леденца, его никто не сохранилъ, никому не показали, а потомъ стали искать бумажку, въ которую онъ былъ завернутъ, и удивляются, что на большомъ дворѣ этой бумажки не нашли. Не сохранили также, не припрятали и тѣхъ конфетъ, которыми Мержвинская угощала Эмилию и Екатерину. Не зная хорошенько, насколько виноваты конфеты въ смерти Екатерины, подчеркиваютъ то, что

она захворала послѣ прогулки, въ которой принимала участіе и Мержвинская. Когда же мы спросили дѣйствительныхъ участниковъ этой прогулки, то они объяснили намъ, что Мержвинской съ ними вовсе не было. Вотъ какія „обстоятельства“ приводятъ намъ обвиненіе! Какой же выводъ можно сдѣлать изъ этихъ обстоятельствъ? Что всѣ подозрѣвали Мержвинскую? Да, конечно; подозрѣвали. Но въдь всѣ эти подозрѣнія, всѣ эти слухи появились уже тогда, когда возбуждено было слѣдствіе, когда Мержвинская была подѣ судомъ. Все это явилось заднимъ числомъ, когда каждый бываетъ такъ догадливъ по отношенію къ лицу, уже намѣченному, къ которому уже предъявлено обвиненіе. Здѣсь каждая мелочь вспоминается и каждой мелочи придается значеніе. Вспомнили даже и то, что когда прачкѣ сдѣлалось дурно, а Мержвинская дала ей чего-то выпить, то сейчасъ же стало легче. Здѣсь очевидно дѣлается предположеніе, что Мержвинская не только имѣла у себя ядъ, но и противоядіе, и по своему усмотрѣнію однихъ отравляла, а другихъ спасала отъ отравленія.

Но зачѣмъ же она отравляла ихъ? Что же сдѣлала ей всѣ эти лица? Обвинитель даетъ намъ объясненіе на эти вопросы. Онъ говоритъ, что Эмилию Мержвинская отравила изъ ревности и изъ желанія сойтись съ Оскаромъ. Но здѣсь опять странность. Почему же ревность у Мержвинской появилась какъ разъ въ то время, когда для ревности уже не было никакого повода, когда Эмилиа ужъ помирилась съ мыслью о связи ея мужа съ Мержвинскою, когда она уже выразила свое равнодушіе къ этому вопросу. Въдь, что бы ни говорили про отношенія Эмилиі, но смыслъ ея словъ, сказанныхъ мужу, совершенно ясенъ: „дѣлай, какъ хочешь. Мнѣ все равно“. Значитъ, Эмилиа не хотѣла, да и не могла мѣшать Мержвинской, и Мержвинская это знала. Зачѣмъ же ей было убивать Эмилию? Говорятъ—чтобы дать свободу Оскару. Пусть такъ. Но какъ же Мержвинская воспользовалась этой свободой, когда Оскаръ наконецъ получилъ ее? Сошлась она съ Оскаромъ? Да нѣтъ! Она даже попытокъ къ этому не дѣлала. Когда Эмилиа умерла, у Мержвинской и Оскара даже и разговора о любви не было. Какъ разъ съ этого момента они стали ссориться другъ съ другомъ, спорить о деньгахъ, о вещахъ, преслѣдовать другъ друга судомъ и т. п. Неужели для этого Мержвинской надо было убивать Эмилию? А Екатерину? На что ей нужна была смерть этой дѣвушки? Г. товарищъ прокурора находитъ, что Мержвинской надо было сперва убить Екатерину, потому что еслибы Мержвинская начала съ Эмилиі, то Екатерина, живущая вмѣстѣ съ сестрою, замѣтила бы это и рассказала бы Оскару! Дальше этого, мнѣ кажется, идти нельзя! Почему же не наоборотъ? Почему же Эмилиа, также живущая вмѣстѣ съ сестрою, не могла замѣтить чего нибудь и также сообщить, кому слѣдуетъ? Я не понимаю, какъ можно дойти до такого объясненія, а возражать на него положительно не могу.

Никакого мотива, никакого интереса не могло быть у Мержвинской и для убійства дѣвочки Маргариты. Г. товарищъ прокурора говоритъ, что Мержвинская хотѣла дать полную свободу Оскару и тѣмъ заставить его сойтись съ нею. Ну, я думаю, что Мержвинская лучше знала Оскара, чѣмъ товарищъ прокурора, и прекрасно знала, можно ли этимъ привлечь его. А между тѣмъ мы знаемъ, что Оскаръ женился во второй разъ именно для того, чтобы у дѣвочки была мать. Значитъ, не убивая дѣвочку, а оберегая ее, она могла расчитывать сблизиться съ Оскаромъ.

Всѣ объясненія, которыя стараются придать предполагаемымъ дѣйствіямъ Мержвинской, представляются страшно натянутыми, неправдоподобными и, во всякомъ случаѣ, ровно ничѣмъ не подтвержденными. Всѣ объясненія сводятся только къ подо-

зрѣніямъ и каждое подозрѣніе подкрѣпляется только новымъ подозрѣніемъ. Даже возбужденіе противъ Оскара уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ ставится въ улику Мерджвинской и опять-таки только по одному подозрѣнію. Обвинение предполагаетъ, что всѣ эти дѣла были начаты Мерджвинскою съ цѣлью опорочить въ Оскарѣ будущаго свидѣтеля. Мерджвинская, видите-ли, знала, что тогда ее будутъ судить за отравленіе Оскара явится однимъ изъ главныхъ свидѣтелей, и потому она затѣяла судиться съ нимъ, чтобы ему, какъ находящемуся съ нею въ тяжбѣ, не было вѣры на судѣ! Гг. присяжные, да до чего же мы наконецъ дойдемъ въ своихъ догадкахъ и подозрѣніяхъ! Неужели же кто-нибудь, совершая преступленіе, рассчитываетъ, что его будутъ судить? Я этого не могу допустить. Я много лѣтъ защищаю въ уголовныхъ дѣлахъ и никогда не наблюдалъ такого явленія. Преступникъ обыкновенно рассчитываетъ не попасться, и о судѣ не думаетъ, не ждетъ суда, иначе онъ преступленія бы не дѣлалъ. Я думаю, наоборотъ, что вся эта масса гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, начатыхъ Мерджвинскою противъ Оскара, какъ нельзя лучше доказываетъ полную невиновность ея въ отравленіи его жены и свояченицы. Если бы она отравила ихъ, она не раздражала бы Оскара вздорными исками и обвинениями, а старалась бы ублажить его, чѣмъ только можетъ; она не требовала бы отъ него вещей и денегъ, а сама понесла бы ихъ къ нему; не преслѣдовала бы его и его тестя, а все вынесла бы, все претерпѣла бы отъ нихъ, чтобы только они не думали о ней худого.

Указавъ на сознаніе Мерджвинской въ совершеніи подлоговъ и на значеніе такого сознанія, защитникъ продолжалъ:

Заканчивая свою защиту, я не могу не вспомнить заключительныхъ словъ обвинительной рѣчи г. товарища прокурора. Онъ сказалъ, что Мерджвинскую трудно обвинять, потому что у нея очень сильная защита, что защитою ей является не только та, которая представляетъ ее на судѣ, но защитою ей является и вы, и все русское общество. Не знаю, такъ-ли это. Но я, съ своей стороны, хотѣлъ бы дѣйствительно просить васъ заступиться не только за Мерджвинскую, но и за все русское общество. Дайте вздохнуть свободно, вздохнуть полной грудью! Дайте возможность вѣрить, что русское правосудіе живетъ не на слухахъ, не на догадкахъ, не на сплетняхъ, а на точно доказанныхъ, осязаемыхъ какъ раны вложенными въ нихъ перстами фактахъ!

Второй защитникъ, пом. прис. пов. М. Е. Ѳедосьевъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

Гг. Присяжные засѣдатели! Мнѣ остается сказать о кражѣ ребенка. Когда я впервые прочелъ обвинительный актъ, то сейчас же задалъ себѣ вопросъ, было ли изслѣдовано психическое состояніе подсудимой, ея умственныя способности, ея нервная система? Трудно было примириться съ мыслью, чтобы нормальная женщина подъ вліяніемъ такихъ чисто психическихъ стимуловъ, какъ любовь, ревность, мщеніе, боязнь потерять любимаго человѣка, могла совершить столько тяжкихъ злодѣяній. Обвинительный актъ, написанный во вкусѣ расказовъ Эдгара Поэ, поразилъ меня романтичностью, фантастичностью своего содержанія. Но какъ только я началъ вчитываться въ дѣло, то сейчас же перешелъ изъ міра фантазіи къ дѣйствительности, и всѣ выводы обвинительнаго акта показались мнѣ не столь ужасными. Прошу васъ, гг. присяжные засѣдатели, въ этомъ дѣлѣ отфрѣшиться отъ средневѣковыхъ психологическихъ теорій Региомонтануса, забыть о созвѣздіи Венеры, о которомъ говорилъ повѣрренный гражданскаго истца, и посмотреть на это дѣло съ точки зрѣнія обыденной дѣйствительной жизни, а не фантазіи. Не правъ гражданскій истецъ, когда говоритъ вамъ, что единственнымъ средствомъ возстановить прежнія гражданскія права Боруха Цыпина, это признать обвиняемую виновной въ его похищеніи. Вопросъ о фак-

тѣ похищенія будетъ выдѣленъ, и потому, если вы отвѣтите на него утвердительно, а на вопросъ о вѣрности этого факта въ вину Мерджвинской отрицательно, то этимъ вы вовсе не пресѣчете возможности Боруху Цыпину возстановить его прежнія права, которыя и будутъ ему возвращены судомъ гражданскимъ Ребенкомъ Цыпинныхъ. Противъ этого факта не спорить и Мерджвинская. Разсмотримъ, можно ли кражу Боруха Цыпина вѣнчать въ вину Мерджвинской. Противъ послѣдней выставляются улики двухъ родовъ: реальныя и психологическія. Первой реальной уликой является опознаніе Цыпиной похитительницы ея сына въ Мерджвинской. Семь лѣтъ тому назадъ Цыпина видѣла похитительницу своего сына всего 2 раза не дольше часа, подъ вуалью, и такъ хорошо запомнила черты ея лица, что по прострѣвнн столъ долгаго времени, несмотря на то, что на допросѣ у слѣдователя объявила, „не знаю, удастся ли мнѣ узнать похитительницу моего сына“, при взглядѣ на Мерджвинскую, хотя и послѣ нѣкотораго колебанія, но все-таки, узнала въ ней воровку. Спрашивается, можно ли положиться на такую улику?

Не напрашивается ли на умъ нѣкоторое психологическое объясненіе происхожденія столь удивительной памяти? Оно вотъ въ чемъ. Вы знаете, что Ребенкомъ былъ признанъ первымъ. Цыпина узнала въ немъ своего сына раньше, чѣмъ увидѣла Мерджвинскую. Еще 18 марта 1898 г., когда мальчикъ былъ розысканъ въ квартирѣ у Рачковской, свойственницы Цыпинныхъ, между дядей пропащаго мальчика, Василевскимъ и Бенедевичъ, прежней жилицей Мерджвинской, происходилъ знаменательный разговоръ, въ которомъ высказывалось предположеніе о томъ, что Мерджвинская похитила Боруха, а Бенедевичъ, какъ знающей Мерджвинскую и Соколова еще съ 1886 года, была высказана даже психологическая улика противъ Мерджвинской, попавшая затѣмъ въ обвинительный актъ, а именно, что Мерджвинская похитила мальчика, чтобы нѣмѣ связать себя съ Соколовымъ. Въ всякаго сомнѣнія, что этотъ разговоръ былъ переданъ Цыпиной, у которой, такимъ образомъ, невольно уже долженъ былъ установиться взглядъ на Мерджвинскую, какъ на похитительницу ея сына. Послѣдній былъ найденъ на квартирѣ у Мерджвинской, она и такъ уже предполагаемая преступница (въ это время обвиняемая находилась подъ стражей по обвиненію ея въ отравленія сестеръ Пучевичъ), наконецъ, во время посѣщенія квартиры Мерджвинской, Цыпина могла видѣть фотографическую карточку послѣдней, — вотъ обстоятельства, которыя способствовали тому, что Цыпина узнала, хотя и не безъ колебаній, въ Мерджвинской похитительницу ея сына. Этимъ объясняется и то, что Цыпина ни разу не признавала похитительницъ въ тѣхъ женщинахъ, которыхъ ей предъявляла сыскная полиція въ этотъ семилѣтній періодъ поисковъ. Сынъ ея тогда еще не былъ найденъ, у ней не могло установиться предвзятаго взгляда на одну изъ нихъ, какъ на похитительницу, противъ нихъ не могло возникнуть даже и тѣни подозрѣнія. Объ опознаніи Мерджвинской за похитительницу двумя дочерьми Цыпиной, видѣвшими ее лишь одинъ разъ, причемъ Фейга видѣла подъ вуалью, а Сарра — подъ густой вуалью, нечего и говорить.

Вторая улика — салопчикъ. Мать Боруха Цыпина объяснила, что въ моментъ похищенія сынъ ея былъ одѣтъ въ салопчикъ темно-вишневаго цвѣта или цвѣта спѣлой сливы. Если предположить, что мать и семья похищеннаго могли помнить, въ чемъ былъ одѣтъ ихъ пропавшій сынъ, то едва-ли возможно повѣрить свидѣтелямъ Бенедевичъ и Филипповой, утверждавшимъ, что онъ помнитъ, въ чемъ и въ платѣ какого цвѣта былъ одѣтъ привезенный въ 1891 году къ Мерджвинской ея сынъ Георгій. Мерджвинская не отрицаетъ, что чухонка передала

ей сына, одѣтаго въ салопчикъ темнаго цвѣта. Это обстоятельство говорить въ ея пользу. Вѣдь, если бы она похищала ребенка, то не постаралась ли бы она, привезши его домой, тотчасъ переодѣть и уничтожить тотъ салопчикъ, въ которомъ ребенокъ былъ одѣтъ? Вѣдь, никто не видѣлъ момента ея прѣизда. По словамъ свидѣтельницъ Бенедевичъ и Филипповой, ихъ въ это время въ квартирѣ не было. Слѣдовательно, сокрытіе слѣдовъ преступленія было возможно. Является совершенно непонятнымъ, почему Мержвинская такъ ревниво хранитъ салопчикъ и показываетъ въ немъ ребенка Филипповой и Бенедевичъ, готова себѣ въ будущемъ такую серьезную улику.

Какъ на третью улику, ссылаются на то, что время пропаянн ребенка совпадаетъ со временемъ привоза Мержвинской своего сына отъ чухонки. И здѣсь являются свидѣтелями тѣ же Филиппова и Бенедевичъ, причемъ первая утверждаетъ, что Мержвинская привезла ребенка осенью тогда, когда уже было порядочно холодно, а вторая, забывъ вообще, въ которомъ году она жила у Мержвинской, помнитъ лишь, что привозъ ребенка былъ или въ концѣ августа, или началъ сентября. Можно-ли и здѣсь для обвиненія Мержвинской полагаться на такую своеобразную память. Свидѣтельница Бенедевичъ здѣсь впервые показала о новомъ обстоятельстве, которое она такъ ревниво хранила ранѣе отъ всѣхъ, даже отъ судебного слѣдователя. Здѣсь на судѣ мы слышали, что свидѣтельница видѣла второго сына Мержвинской Георгія, что онъ былъ блондинчикъ съ голубыми глазами, что Мержвинская его увезла и привезла вмѣсто него уже бронета съ черными глазами, и на вопросъ свидѣтельницы отвѣтила, что ея сынъ умеръ и что отъ старосты той деревни, въ которой сынъ ея былъ отданъ на воспитаніе, она взяла мальчика, давъ росписку въ томъ, что она будетъ его воспитывать и любить. При оцѣнкѣ этого новаго обстоятельства прошу васъ, присяжные засѣдатели, помнить, что это свидѣтельское показаніе является впервые здѣсь на судѣ, что Бенедевичъ не заикнулась о немъ и тогда, когда въ разговорѣ съ Рачковской и Василевскимъ ею дѣлались психологическія предположенія о виновности Мержвинской въ кражѣ Боруха Цыпина, а между тѣмъ она имѣла въ рукахъ такую серьезную улику. Прошу васъ вспомнить и поведеніе Бенедевичъ здѣсь на судѣ, нежеланіе ея дать показаніе въ присутствіи обвиняемой, поведеніе, которое старались здѣсь объяснить чуть-ли не борьбой между долгомъ показывать правду и дружбой къ Мержвинской.

Прошу вспомнить, что Бенедевичъ была соперницей Мержвинской, что она была знакома съ Соколовымъ, что, живя у Мержвинской, она почти ни разу не видѣла Соколова, который ея избѣгалъ. Послѣдняя реальная улика—это то обстоятельство, что Мержвинская нигде не выпускала мальчика. Если мы вспомнимъ, что ребенокъ, по отзыву всѣхъ свидѣтелей, былъ больнымъ, хилымъ, страдалъ англійской болѣзью; если вспомнимъ показаніе Рогуляскаго, отрицающаго безусловность этой улики, показаніе свидѣльницъ Венцлевиной и Поваршъ о старшей дочери Мержвинской, Ольгѣ, которая также рѣдко гуляла, когда была въ возрастѣ четырехъ почти лѣтъ,—то и эта улика отнюдь не можетъ послужить основаніемъ къ вмѣненію столь серьезнаго преступленія въ вину Мержвинской. Здѣсь говорилось еще объ обрѣзаніи. Если предположить, что Мержвинской, какъ акушеркѣ, долженъ былъ быть извѣстенъ этотъ обрядъ, то является страннымъ, къ чему ей было красть мальчика іудейскаго вѣроисповѣданія и тѣмъ создавать себѣ еще одну лишнюю улику. Психологическою уликою выставляютъ ея желаніе ребенкомъ связать себя тѣснѣе съ Соколовымъ. Но вѣдь у Мержвинской отъ Соколова былъ не первый ребенокъ,—всѣ дѣти были отдаваемы на воспитаніе. Соколовъ противъ

этого не протестовалъ и не придавалъ этому обстоятельству серьезнаго значенія. Если припомнимъ, что въ 1890 г. у Титовой редила отъ Соколова сынъ и это обстоятельство ничуть не связало Титову съ Соколовымъ, который продолжалъ жить и съ Мержвинской, то станетъ очевиднымъ, что ребенкомъ связать себя тѣснѣе съ Соколовымъ Мержвинская не могла, знала это и совершать подобное тяжкое преступленіе подъ влияніемъ этого мотива не имѣла ни малѣйшаго разумнаго основанія. Наконецъ, къ чему Мержвинской было прибѣгать къ преступленію, когда она могла взять мальчика на воспитаніе изъ воспитательнаго дома и выдать за своего сына.

У слѣдователя Мержвинская указала на лицъ, которыя были посредниками между нею и чухонкой, которой она отдала своего сына на воспитаніе; одно лицо, по произведенному дознанію, дѣйствительно проживало въ 1891 г. въ Петербургѣ; указала на корчму въ Красномъ Селѣ, гдѣ происходила передача Мержвинской ея сына. Между тѣмъ, слѣдователь, ограничившись для розысковъ исключительно райономъ г. Петербурга, тѣмъ самымъ создалъ обширную область для сомнѣній, предположеній и отгадокъ.

Всѣ эти обстоятельства, а главнымъ образомъ несоотвѣстствіе мотива съ фактомъ преступленія, если предположить, что похитительница ребенка Мержвинская,—и приводятъ меня къ убѣжденію, что при наличныхъ данныхъ Мержвинская не можетъ быть признана виновной въ кражѣ ребенка и должна быть оправдана.

Итакъ, гг. присяжные засѣдатели, на той канвѣ, которую дало вамъ судебное слѣдствіе, обвиненіемъ и защитой вышиты два рисунка: на одномъ эмблема смерти, на другомъ жизни, свободы. Отъ выбора вами одного изъ нихъ зависить участь Мержвинской.

Въ своемъ резкомъ предсѣдатель А. М. Бобріщевъ Пушкинъ указалъ пр. засѣдателямъ, что имъ надо стремиться прежде всего къ единогласію. Обыкновенно, когда мы споримъ, мы лишь уходимъ другъ отъ друга, думая больше о своей правотѣ, чѣмъ о доводахъ своего противника. Чтобы совѣщаніе присяжныхъ могло дать плодотворные результаты, необходимо каждому изъ нихъ не столько настаивать на своей мысли, сколько постараться понять другого. Требованіе большинства для произнесенія вердикта является лишь уступкой несовершенствамъ человѣческаго мышленія, но большинство это не должно составляться путемъ только арифметическимъ, а должно выражать внутреннее убѣжденіе людей, сошедшихся на томъ, что они считаютъ истину.

Объяснивъ далѣе гг. присяжнымъ методы изслѣдованія уголовного процесса, А. М. Бобріщевъ указалъ, что все, что предшествуетъ судебному слѣдствію, весь слѣдственный матеріалъ, входящій въ составъ обвинительнаго акта, можетъ быть сравненъ съ лѣсами, поддерживающими зданіе: лѣса необходимы для утвержденія зданія, но, подобно тому, какъ по мѣрѣ выстройки зданія, лѣса отбрасываются, такъ и въ уголовномъ процессѣ, дойдя до зала судебного засѣданія, присяжные должны отбросить эти лѣса. Этого требуетъ экономія данныхъ. Только ограничивъ сами себя, отбросивъ все второстепенное, присяжные засѣдатели могутъ правильнѣе и скоро дойти до истины. Но въ то же время, когда зданіе (обвинительное) построено, новыхъ матеріаловъ искать нечего, да и всплываютъ они чрезвычайно рѣдко, въ видѣ исключенія. Мы должны поставить такую искусственную грань для нашего изслѣдованія, такъ какъ мы стѣснены временемъ и должны разрѣшить данное дѣло въ извѣстный, весьма короткій періодъ. Съ этой точки зрѣнія, самоограниченія въ видахъ экономіи времени, мы должны изъ показаній свидѣтелей выбирать только самыя существенныя данныя, отбросивъ все безразличное. Крайне важнымъ подспорьемъ при оцѣнкѣ показа-

ня свидѣтеля является сопоставленіе его съ письменными документами, но не съ тѣми документами, которые пишутся свидѣтелемъ для суда—законъ запрещаетъ оглашать на судѣ такіе документы и требуетъ устнаго свидѣтельства,—а съ такими документами, которые участвующія въ дѣлѣ лица писали, вовсе не думая о томъ, что можетъ когда-либо возникнуть какое-либо дѣло и что эти документы будутъ оглашены.

Разяснивъ, что заключеніе экспертовъ должно имѣть для присяжныхъ засѣдателей такое же значеніе, какъ и всякое судебное доказательство, А. М. Бобринцевъ-Пушкинъ указалъ на то, что, какъ судебное доказательство, оно должно быть взято цѣликомъ, ничего изъ него не должно быть выбрасываемо. Что касается психологическихъ данныхъ, въ частности—мотивовъ, которыми руководился преступникъ, совершая извѣстное правонарушеніе, то и эти данныя также входятъ въ составъ судебныхъ доказательствъ. При этомъ, однако, надо имѣть въ виду, что отсутствіе разумнаго мотива для совершенія преступленія или же непонятность для насъ этихъ мотивовъ не должны служить препятствіемъ къ постановкѣ приговора. Мы должны исходить изъ того, что разъ фактъ совершенія преступленія доказанъ и на лицо имѣется лицо вмѣняемое, ergo—былъ и мотивъ для совершенія этого дѣянія, но только мы его отыскать не можемъ. Въ заключеніе предсѣдатель указалъ, что, дѣлая гипотезы о томъ, кто виновникъ преступленія, мы должны помнить только одно: нельзя дѣлать гипотезъ въ пространство; мы должны задаваться вопросомъ не о томъ, кто могъ сдѣлать, а кто сдѣлалъ.

Эти общія разсужденія были иллюстрированы данными, почерпнутыми изъ процесса.

Приговоръ суда извѣстенъ уже читателямъ изъ отчета, напечатаннаго въ № 19 „Права“.

Варшавскій окружной судъ.

Дѣло профессора Косинскаго и д-ра Сольмана.

(Продолженіе¹⁾.)

Залъ засѣданія переполненъ публикой. За судейскими креслами сидятъ помощникъ Варшавскаго генералъ-губернатора князь А. Д. Оболенскій и гор. голова Бибииковъ.

Допросъ свидѣтелей начался показаніями д-ровъ Дуннина и Рейхмана. Оба они, подтверждая сказанное ими на предварительномъ слѣдствіи, показали, что проф. Косинскій во время консиліума совершенно не упомянулъ о своихъ предположеніяхъ насчетъ присутствія посторонняго тѣла во внутренностяхъ Каць.

Д-ру Рейхману Косинскій упомянулъ о своемъ предположеніи, но значительно позже, при встрѣчѣ на улицѣ. По мнѣнію д-ра Рейхмана, трудно отвѣтить на вопросъ прокурора, можно-ли было при освидѣтельствovanіи Каць рѣшить, была-ли ей сдѣлана одна или двѣ операціи.

Свидѣтель Юсифъ Ароновичъ подробно рассказываетъ объ освидѣтельствovanіи Каць докторами, объ операціяхъ вообще, а въ особенности о той, о которой д-ра ничего не сказали роднымъ. Братъ свидѣтеля говорилъ ему, что д-ръ Сольманъ выразился о Каць, какъ о могущей каждый день умереть, вѣроятно же всего отъ общаго воспаленія брюшины. Когда мать свидѣтеля выразила негодованіе по поводу предлагаемой профессоромъ Косинскимъ операціи, свидѣтель просилъ ее обратиться за совѣтомъ къ другимъ хирургамъ, между прочимъ къ Савицкому. Хотя ни д-ръ Савицкій, ни д-ръ

Френкель гнойнаго процесса въ животѣ Каць не нашли, однако д-ръ Сольманъ настаивалъ на необходимости операціи, въ виду обнаруженія во внутренностяхъ Каць сплетенія кишекъ. Д-ръ Краевскій и профессоръ Васильевъ подтвердили, напротивъ, что гнойнаго процесса совсѣмъ нѣтъ, также какъ и воспалительнаго отека, и нѣтъ необходимости въ операціи. Точно также и д-ръ Любовскій, говорить свидѣтель, былъ, вопреки мнѣнію Косинскаго, противъ операціи.

Прокуроръ. Отчего же свидѣтель не требовалъ отъ Косинскаго операціи, когда узналъ отъ д-ра Френкеля о предположеніяхъ профессора объ оставленныхъ въ полости живота Каць пинцетахъ?

Свид. Мы уже не довѣряли Косинскому. Когда моя мать умерла, на мои упреки д-ръ Френкель мнѣ сказалъ: „въ этомъ случаѣ я поступилъ съ вами честно, и даже нарушилъ данное честное слово никому не говорить о предположеніяхъ Косинскаго.“

Затѣмъ, на вопросъ предсѣдателя о денежныхъ дѣлахъ покойной Каць, свидѣтель такъ отвѣчалъ, что можно было заключить, что она не имѣла и не оставила никакого имущества.

Профессоръ Косинскій и д-ръ Сольманъ даютъ дополнительное объясненіе относительно способа совершенія операціи.

Профессоръ Косинскій утверждаетъ, что уже въ теченіе 14 лѣтъ въ лечебницѣ существуетъ такой порядокъ, что крупными буквами мѣломъ на доскѣ записывается количество употребляемыхъ при данной операціи пинцетовъ, инструментовъ и т. п., чего раньше не было. Слѣдить за инструментами долженъ не помощникъ оператора, а специальное лицо, въ данномъ случаѣ—фельдшеръ Вавровскій.

Затѣмъ профессоръ рассказываетъ, какъ у него зародилось подозрѣніе относительно забытыхъ пинцетовъ. Подозрѣніе это подтвердилось, когда отъ д-ра Сольмана онъ узналъ объ исчезновеніи въ лечебницѣ двухъ пинцетовъ. Когда Каць была у него, онъ, при освидѣтельствovanіи, прощупалъ у ней внутри что-то твердое, припомнилъ свое предположеніе и сказалъ больной, что изъ ея внутренностей кое-что слѣдуетъ удалить; о пинцетахъ же ничего не говорилъ, потому что самъ не былъ увѣренъ; былъ только убѣжденъ, что тутъ происходитъ какое-то ненормальное явленіе. Обвиняемый убѣждалъ Каць въ необходимости операціи, на что она охотно согласилась и должна была уже прійхать въ лечебницу, но не прійхала, а вмѣсто того, по совѣту другихъ докторовъ, поѣхала въ Цѣхоцинъ.

„Жалью,—говоритъ профессоръ Косинскій—что никто, ни больная, ни ея родные—не сказали мнѣ о намѣреніи Каць“.

Свидѣтель Симеонъ Ароновичъ, студентъ медикъ третьяго курса, показалъ, что профессоръ Косинскій относился небрежно къ освидѣтельствovanію больной, не измѣрялъ во время этого освидѣтельствovanія температуры и т. п. „Когда моя мать,—говоритъ свидѣтель,—плакала, что профессоръ Косинскій снова предлагаетъ операцію, я ее успокаивалъ, говоря, что Косинскій во всякомъ случаѣ не Богъ и онъ можетъ ошибаться, тѣмъ болѣе, что и первый діагнозъ онъ поставилъ плохо. Поэтому я и совѣтовалъ обратиться къ другимъ докторамъ, такъ какъ д-ръ Краевскій такой же опытный хирургъ, какъ и д-ръ Косинскій. Д-ръ Сольманъ въ тотъ же самый день, когда онъ объявилъ, что дни и часы моей матери сочтены, устроилъ въ своей лечебницѣ шумную свадьбу съ танцами, музыкой и т. п., что должно было крайне беспокоить больную. Послѣ второй операціи д-ръ Сольманъ говорилъ, что больная черезъ нѣсколько дней умретъ“.

Д-ръ Сольманъ положительно это опровергаетъ, утверждая, что у него не въ обычаѣ говорить съ родными больной о такихъ вещахъ.

Свидѣтель Вавровскій, фельдшеръ, показалъ, что, насколько ему помнится, онъ подавалъ профессору

¹⁾ См. „Право“ № 20.

Косинскому 18 пинцетовъ и столько же принялъ обратно.

Предсѣдатель. Какъ же вы могли подать 18, когда оказалось 20, такъ какъ два остались въ полости живота.

Свидѣтель. Можетъ быть, плохо считалъ и ошибся.

Предсѣдатель. Спрашивалъ-ли профессоръ послѣ операци, сколько было пинцетовъ?

Свидѣтель.—Спрашивалъ.

Предсѣдатель. Свидѣтель, скажите теперь положительно, съ чьей стороны была ошибка.

Свидѣтель. Навѣрное не знаю, но допускаю, что съ моей.

Предсѣдатель. Вмѣняется ли вамъ въ обязанность, какъ фельдшеру, считать пинцеты до и послѣ операци?

Свидѣтель. Не знаю.

Д-ръ Сольманъ объясняетъ, что фельдшеръ при операцияхъ часто бываетъ взволнованъ, а въ данномъ случаѣ операци длилась полтора часа. Обыкновенно фельдшеру приказывалось приготовить дюжину или полторы дюжины пинцетовъ.

Прокуроръ. Развѣ никто не предупредилъ свидѣтеля, что будетъ операци? Вообще, неужели въ продолженіе четырехъ лѣтъ вы никому не отдавали отчета въ находившихся на вашихъ рукахъ инструментахъ и со стороны д-ра Сольмана не было никакого контроля?

Свидѣтель. Не было.

Прокуроръ. Вообще, вамъ никто не назначалъ, а вы лично сами (была-ли то брюшная операци, или иная) выбирали то или другое число пинцетовъ и инструментовъ?

Свидѣтель. Да.

На вопросъ присяжнаго повѣреннаго Куперника свидѣтель объяснилъ, что онъ не всегда присутствовалъ при самыхъ операцияхъ, такъ какъ бывалъ занятъ подаваніемъ различныхъ вещей. „Въ такихъ случаяхъ я всегда очень волнуюсь, — говоритъ Вавровскій—потому что хочется все исполнить такъ, чтобы доктора остались довольны. Профессоръ не разъ и крикнетъ, если подамъ не то, что приказываетъ. Случалось, что въ волненіи подавалъ совсѣмъ не то, что велитъ операторъ. Вообще, работа страшно тяжелая“.

На вопросы защитниковъ свидѣтель подтверждаетъ, что въ теченіе четырехъ лѣтъ въ лечебницѣ Сольмана не бывало подобнаго настоящему случаю.

Свидѣтельница Матвѣва, сидѣлка Кацъ, показала, что знаетъ и слышала отъ Кацъ, что профессоръ Косинскій осматривалъ ее крайне небрежно.

Предсѣдатель. Что вы понимаете подъ небрежностью? Въдѣ д-ръ осматривалъ ее полчася.

Свидѣтельница. Но въ это время онъ и говорилъ съ больной.

Предсѣдатель. Но все-таки онъ говорилъ съ Кацъ о болѣзни, а не о погодѣ?

Пространное показаніе далъ д-ръ Васильевъ, рассказывая подробно объ операци, произведенной имъ, и объ извлеченіи пинцетовъ д-ромъ Краевскимъ.

Свидѣтель подтвердилъ, что если бы операци была произведена тогда, когда предлагалъ проф. Косинскій, больная не умерла бы.

Засимъ судъ приступилъ къ выслушанію заключеній шести экспертовъ-докторовъ и профессоровъ, вызванныхъ по этому дѣлу.

Эксперты раздѣлились на двѣ группы, изъ которыхъ одна трактовала вопросъ съ точки зрѣнія анатомо-патологической, а другая — практической медицины.

Первымъ говорилъ профессоръ Пжевускій, который сначала подтверждаетъ, что признаковъ гнойнаго процесса въ брюшной полости Кацъ совсѣмъ не было, а были симптомы сильной общей анеміи, доказывающей, что смерть наступила отъ сильного

кровозліянія. Кровозліяніе изъ артерій, по мнѣнію эксперта, произошло въ кишки; причиной кровозліянія было давленіе инструментовъ на артерію и кишки, такъ какъ поврежденія шли снаружн внутрь, какъ въ артеріи, такъ и въ кишкѣ. Пока пинцеты находились въ полости, они отчасти замѣняли разрушенныя стѣнки артерій; когда же они были изъяты,—наступило смертельное кровозліяніе.

Что касается до оставленія пинцетовъ въ брюшной полости, то такіе случаи часты и не могутъ быть отнесены къ неосторожности. Самымъ знаменитымъ хирургамъ случается оставлять инструменты въ брюшной полости; эксперту при вскрытіи труповъ часто случается находить постороннія тѣла, оставленныя хирургами, но онъ не предастъ этого гласности, только иногда онъ отсылаетъ найденный предметъ хирургу, который дѣлалъ операци.

Оставленіе такихъ тѣлъ въ полостяхъ оперируемаго теперь уже не представляетъ значительной опасности, такъ какъ употребляются дезинфицированныя инструменты. Въ данномъ случаѣ пинцеты особенно неудачно легли въ полости больной, что и было въ значительной мѣрѣ причиной поврежденія сосудовъ. Поврежденія надо признать очень тяжкими, но не безусловно смертельными. Если бы Кацъ обратилась къ свѣдущему хирургу, смерти бы не послѣдовало, такъ какъ во время можно было предупредить поврежденіе сосудовъ. Операторъ не остановилъ кровозліянія перевязкой артерій, что, по мнѣнію эксперта, было вполне возможно, такъ какъ мѣсто находившейся раны было вполне доступно. Очень можетъ быть, что какое-нибудь рѣзкое неожиданное движеніе было причиной разрыва сосуда.

Экспертъ д-ръ Троицкій, инспекторъ госпиталя, соглашается въ общемъ съ мнѣніемъ своего предшественника, съ той однако разницей, что не признаетъ возможности быстрой остановки кровозліянія.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Хроника.

При министерствѣ путей сообщенія образуется особое совѣщаніе для всесторонняго изученія вопроса о современномъ положеніи лѣснаго хозяйства и торговли. Въ составъ совѣщанія войдутъ представители отъ министерствъ финансовъ, земледѣлія и государственныхъ имуществъ и государственнаго контроля.

Постепенное истребленіе лѣсовъ и прогрессирующее возрастаніе потребности въ лѣсныхъ матеріалахъ какъ для мѣстнаго населенія, такъ и для быстро увеличивающейся желѣзно-дорожной сѣти, вмѣстѣ съ тѣмъ усиливающейся вывозъ лѣсныхъ матеріаловъ за границу, вслѣдствіе весьма благоприятныхъ тому тарифовъ и пошлинъ, привели къ общему поднятію цѣнъ на лѣсъ, отзываются чрезвычайно невыгодно на расходахъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ. Цѣны на лѣсные матеріалы на этихъ дорогахъ за послѣдніе два три года возросли на 20—30%. Вслѣдствіе этого совѣщанію предстоитъ обсудить мѣры для нормированія лѣсной торговли въ связи съ опредѣленіемъ наличныхъ лѣсныхъ богатствъ Польши и для достиженія болѣе соотвѣтствующаго симъ богатствамъ поступленія лѣснаго матеріала на мѣстные рынки, путемъ пересмотра тарифовъ, пошлинъ для заграничнаго вывоза и проч.

По словамъ газетъ, на-дняхъ будетъ слушаться въ Государственномъ Совѣтѣ выработанный въ лѣсномъ

департаментъ законопроектъ объ эксплуатаціи общихъ и спорныхъ лѣсовъ. Этотъ законопроектъ вызванъ крайней медленностью въ размежеваніи дачъ общаго владѣнія и частныхъ лицъ и еще болѣе медленнымъ разрѣшеніемъ дѣлъ по спорамъ казны съ частными лицами о принадлежности лѣса. По нынѣ дѣйствующимъ законамъ, общіе и спорные лѣса оставались безъ всякой эксплуатаціи, что причиняло громадный убытокъ казнѣ и частнымъ лицамъ, владѣльцамъ этихъ лѣсовъ. Новый законъ, проектъ котораго и будетъ обсуждаться въ Государственномъ Совѣтѣ, предполагаетъ допустить эксплуатацію лѣсныхъ дачъ и разрѣшить продажу всего находящагося въ общихъ и спорныхъ дачахъ, такъ называемаго, мертваго лѣса, за исключеніемъ лишь необходимаго для домашнихъ нуждъ владѣльцевъ. Доходъ, вырученный отъ продажи лѣсныхъ матеріаловъ, за покрытие расходовъ на содержаніе лѣсной стражи и проселочныхъ дорогъ, примыкающихъ къ этимъ лѣсамъ, поступаетъ въ государственный банкъ. По окончаніи дѣла о спорномъ лѣсѣ полученный избытокъ доходовъ съ процентами выдается тому, въ чью собственность лѣсъ поступилъ. Доходъ же по общей дачѣ съ накопившимися процентами распределяется между совладѣльцами судомъ, при назначеніи каждому совладѣльцу части.

Высочайше утвержденнымъ 19 марта текущего года положеніемъ комитета министровъ, въ **измѣненіе духовнаго завѣщанія** вдовы бывшего профессора Императорскаго казанскаго университета Юліи Виноградовой, разрѣшено, вмѣсто продажи отказаннаго ею въ пользу университета дома, обратитъ таковой въ собственность университета съ передачей въ завѣдываніе состоящаго при немъ общества вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ, для обращенія подъ устройство квартиръ и дешевой столовой и съ предназначеніемъ таковыхъ, согласно завѣщанію, преимущественно для студентовъ медицинскаго факультета, происходящихъ изъ духовнаго званія. („Сынъ От.“).

Въ воскресенье, 16 мая, въ большомъ залѣ генералъ-прокурорскаго дома состоялось **общее собраніе членовъ благотворительнаго общества судебного вѣдомства**, подъ предсѣдательствомъ товарища министра юстиціи П. М. Бутовскаго. Изъ отчета о дѣятельности комитета общества за истекшіи 1898 годъ видно, что число членовъ значительно увеличилось, изъ нихъ пожизненныхъ съ 360 до 389 и дѣйствительныхъ съ 5,304 до 5,888 человекъ. Неприкосновенный капиталъ достигъ суммы въ 111,371 руб. Часть накопившихся процентовъ была присоединена къ этому капиталу, а изъ остальныхъ денегъ назначались періодическія пособія, ассигнуемая комитетомъ лишь въ особо уважительныхъ случаяхъ. Единновременныхъ пособій за истекшіи годъ роздано 36,755 р. 92 к. Въ члены комитета общества избраны: Е. И. Муравьева, Н. С. Таганцевъ, В. Р. Завадскій и В. О. Накельскій и въ ревизіонную комиссію: В. И. Срезневскій, Ф. И. Шамрай, П. Н. Огаревъ, Я. М. Гальпернъ и В. И. Маркевичъ. Въ почетные члены общества единогласно избранъ В. Д. Вакуровъ. Министръ юстиціи Н. В. Муравьевъ передалъ пожертвованные лицомъ, пожелав-

шимъ остаться неизвѣстнымъ, сто рублей въ ознаменованіе повсемѣстнаго введенія суд. уставовъ Императора Александра II.

„С.-Петербург. Вѣд.“ сообщаютъ изъ Риги, что съ тѣхъ поръ, какъ лифляндскимъ губернаторомъ было распубликовано объявленіе, согласно которому всякія скопища будутъ отражаться вооруженными силами и жители города приглашаются запираеть дома и послѣ 9 час. веч. безъ особой надобности на улицу не выходить— **безпорядки повторялись ежедневно** съ большею или меньшею силою. Забастовка распространилась еще на нѣкоторые заводы,—причемъ тамъ и сямъ вспыхивали пожары, или происходилъ разгромъ зданій и матеріаловъ. Уличные безпорядки, съ незначительными перерывами, продолжались всю недѣлю. Съ субботы 8 мая улицы города, въ особенности ближе къ окраинамъ, представляли зловѣщій видъ: тамъ и сямъ, на мѣстахъ, гдѣ происходили ранѣе или предполагались новыя безчинства, были выстроены отряды войскъ. По первому сигналу о вспыхнувшемъ гдѣ-нибудь по близости пожарѣ, отряды съ ружьями на-перевѣсъ грозными рядами устремлялись впередъ, разбивая раздававшуюся передъ ними толпу рабочихъ и зѣвакъ изъ публики. Безпрестанные мелкіе поджоги, вспыхивавшіе то здѣсь, то тамъ, держали постоянно на чеку войско и полицію, которыя, разумѣется, страшно утомились. Въ городѣ въ настоящее время находится три пѣхотныхъ полка и двѣ сотни казаковъ.

Въ то же время съ разныхъ заводовъ и фабрикъ то и дѣло приходили извѣстія о новыхъ погромахъ и дебошахъ. Значительные безпорядки произошли, между прочимъ, на пивоваренномъ заводѣ „Вальдшлесенхъ“. Тутъ безпорядки происходили ночью, и, несмотря на переданную немедленно по телеграфу просьбу о помощи, войска и полиція прибыли на заводъ лишь утромъ, когда, впрочемъ, безпорядки возобновились съ новою силою. Значительный дебошъ былъ произведенъ также и на цементномъ заводѣ, что въ зарѣчной части города (въ Ильицеѣ). Тамъ же, на Задвиньѣ, неоднократно пытались поджечь заводъ „Моторъ“ (въ Зассенгофѣ), но болѣе всего пострадала фабрика акціонернаго общества Фридриха Пасса. Здѣсь разнесены до основанія домъ директора фабрики; безпорядки начались днемъ, но подосѣвшія во время войска разсыпали толпу; затѣмъ вечеромъ, когда уже все успокоилось и часть охраны удалилась въ другія мѣста, совершенно неожиданно было сдѣлано новое нападеніе, результатомъ котораго явились полный разгромъ дома директора, немало раненыхъ (казакамъ было приказано оставить нагайки и взять „шашки на голо, плашмя“) и нѣсколько убитыхъ...

Городское управленіе крайне озабочено цѣlostью и сохранностью городскихъ водопроводовъ и газоваго завода, которымъ, въ особенности первому,—какъ передаютъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, — грозила и грозитъ серьезная опасность. Иностранные консулы, какъ намъ передаютъ, обратились къ губернскимъ властямъ съ убѣдительною просьбою озаботиться объ охранѣ имущества иностранныхъ подданныхъ, среди которыхъ немало крупныхъ промышленниковъ. Войска и полиція, — какъ мы уже говорили, — утомились до крайности. Между прочимъ, начальникъ сыскной поли-

ціи серьезно заболѣлъ, подвергнувшись припадку остраго нервнаго переутомленія.

Въ послѣднемъ засѣданіи общаго собранія касса департаментовъ (17 мая) Пр. Сенатъ разъяснилъ, что разсмотрѣніе ходатайства о сохраненіи правъ законныхъ дѣтей за дѣтьми, происшедшими отъ брака, признаннаго судомъ духовнымъ незаконнымъ и недѣйствительнымъ, въ томъ случаѣ, когда дѣло не разсматривалось уголовнымъ судомъ по существу, а прекращено по одной изъ причинъ, указанныхъ въ ст. 16 у. у. с., подлежитъ вѣдѣнію суда гражданскаго.

По дѣламъ, разсмотрѣннымъ въ послѣднемъ общемъ собраніи 1-го и касс. департаментовъ, Пр. Сенатъ разъяснилъ, что: 1) при продажѣ недвижимаго имущества въ губерніяхъ Царства Польскаго, цѣна онаго, показанная въ актѣ послѣдняго пріобрѣтенія, должна служить основаніемъ для опредѣленія размѣра крѣпостной пошлины, хотя бы послѣ этого пріобрѣтенія входившій въ составъ имѣнія лѣсъ проданъ за сумму, превышающую означенную цѣну, и имѣніе продается безъ лѣса.

2) При укрѣпленіи за покупщиками недвижимыхъ имѣній въ западныхъ губерніяхъ, для судебныхъ установленій необязательны ограничительныя условія относительно мѣстоахожденія и размѣровъ земельного участка, которыя, по соображеніямъ административной власти, включаются нынѣ въ свидѣтельства на покупку имѣній, выдаваемые генералъ-губернаторомъ или губернаторами на основаніи закона 1 ноября 1886 г.

3) Отказъ нотаріуса совершить дарственную запись въ пользу лица еврейскаго происхожденія на недвижимое имѣніе, находящееся внѣ городовъ и мѣстечекъ, не согласенъ съ точнымъ смысломъ 2 п. примѣч. 4 къ 959 ст. т. IX св. зак., по прод. 1890 г.

На-дняхъ Правительствующимъ Сенатомъ преподано разъясненіе 390 ст. уст. ремесл. промышл., т. XI ч. 2—по поводу того, можетъ ли мастеръ открывать лишь одну мастерскую своего ремесла или же упомянутой статьѣ разрѣшается открывать нѣсколько мастерскихъ одному и тому же лицу. Принимая во вниманіе: 1) что по точному смыслу 390 ст. уст. рем. пром. мастеру дозволяется завести мастерскую, 2) что въ томъ же уставѣ не содержится никакихъ законоположеній, въ силу коихъ одному мастеру предоставлялось бы право открывать одну только мастерскую того же ремесла, на которое онъ имѣетъ установленное свидѣтельство, 3) что наличностью аттестата и свидѣтельства обуславливается вообще право называться мастеромъ того или другого ремесла, имѣть подмастерьевъ или учениковъ и вывѣску, но не разрѣшается вовсе вопросъ о томъ, одну ли или нѣсколько мастерскихъ можно открыть въ силу этого права, Правительствующій Сенатъ находитъ, что, по общему смыслу законоположеній о ремесленной промышленности, за лицами, обладающими установленными аттестатами и свидѣтельствами на званіе мастера того или другого ремесла, должно быть признано право открывать какъ одну, такъ и нѣсколько мастерскихъ этого цеха.

Курляндскій губернаторъ, циркуляромъ, напечатаннымъ въ послѣднемъ номерѣ мѣстныхъ „Вѣдомостей“, уничтожилъ практиковавшійся до сихъ поръ обычай выбора волостныхъ писарей черезъ каждые три года. Принимая во вниманіе, что „практика показала, что нынѣшній порядокъ избранія волостныхъ писарей на три года сопряженъ съ серьезными неудобствами и во многихъ случаяхъ препятствуетъ правильному замѣщенію этой должности, открывая широкій просторъ неблаговиднымъ проискамъ соискателей должности и ставя писарей въ крайне нежелательную зависимость отъ той или другой партіи“, губернаторъ объявляетъ, что отнынѣ волостные писаря должны быть избираемы безъ опредѣленія срока ихъ службы. вмѣстѣ съ этимъ объявлено, что всѣ занимающіе эту должность нынѣ должны почитаться избранными, несмотря на истеченіе сроковъ договоровъ, заключенныхъ ими съ обществами.

На прошлой недѣлѣ всѣ газеты обошло извѣстіе, что въ Кіевѣ, дѣвица Д. облила мѣстнаго богача В. сѣрной кислотой. На другой день газеты сообщили о такомъ же случаѣ въ Кіевѣ съ почтово-телеграфнымъ чиновникомъ А. По словамъ „Волины“, 9 мая въ г. Острогѣ г-жа Б. облила сѣрной кислотой г. З.

Недавно въ Могилевѣ случилось звѣрское преступленіе. Убить маленькій мальчикъ при помощи большой иглы, вколоченной ему въ головку. Убийца—родная мать мальчика, вдова фермера Шуба. Она созналась и объяснила, что мальчикъ былъ для нея большой обузой, потому что изъ-за него она нигдѣ не могла найти себѣ мѣста. („Сынъ От.“).

У нижегородскаго миров. судьи 5 уч. обвинялась крестьянка Л. въ кражѣ у дв. С., у котораго она жила въ кухаркахъ, 45 руб. На судѣ Л. утверждала, что деньги 25 р., найденныя у нея, по словамъ полицейскаго протокола зашитыми въ оборкѣ юбки, она получила отъ г. С. за свою связь съ нимъ—„за худыя дѣла“, а остальные 15 р., найденные, по словамъ того же протокола, въ корзинѣ изъ-подъ пива на кухнѣ, вѣроятно, подбросилъ кто-нибудь нарочно съ цѣлью вовлечь ее, Л., въ дѣло. При составленіи протокола, составившій его окол. надзиратель Акуловъ, вмѣстѣ съ С. и гг. К., Д. и К., бывшими сначала въ качествѣ гостей, а затѣмъ ставшими понятыми при обыскѣ, пили водку. О томъ, какимъ путемъ къ ней попали 25 р., она, Л., тогда не объяснила, такъ какъ С. угрожалъ ей оружіемъ, но и не сознавалась въ кражѣ, а между тѣмъ въ протоколѣ записано, будто она въ кражѣ созналась. Мировой судья, признавъ объясненіе Л. по его простотѣ и искренности заслуживающимъ полнаго довѣрія, оправдалъ Л. На этотъ приговоръ принесли отзывы какъ С., такъ и полиція.

Сѣздомъ были допрошены въ качествѣ свидѣтелей гг. К., К., А. и С., изъ показаній которыхъ, между прочимъ, выяснилось, что въ квартирѣ С. въ то время дѣйствительно пили водку и что протоколъ былъ составленъ не въ управленіи 1-й части, какъ сказано въ немъ, а у Сысоева.

Сѣздъ, согласно съ заключеніемъ тов. прокурора, опредѣлилъ: приговоръ мирового судьи утвердить, а о

дѣйствіяхъ окол. надзирателя Акулова сообщить прокурору окружнаго суда. („Ниж. Лист.“).

По словамъ „Од. Листка“, бессарабскій землевладелецъ г. Анушъ, желая оказать посильную **помощь населенію пострадавшихъ отъ неурожая губерній**, рѣшилъ пожертвовать съ этою цѣлью 30,000 пудовъ кукурузной муки съ добавленіемъ большого количества овечьяго сыра, сала, масла, картофеля, бураковъ и проч. Г. Анушъ при этомъ имѣлъ намѣреніе лично отправиться въ наиболѣе пострадавшія отъ неурожая мѣстности, съ тѣмъ, чтобы открыть на собственные средства бесплатныя столовыя, а также научить крестьянъ готовить пищу изъ необычнаго для нихъ продукта. Но предварительно жертвователю пожелалъ снестись съ самарскимъ губернаторомъ о томъ, можетъ-ли онъ пріѣхать въ Самарскую губернію со своими сотрудниками для открытія столовыхъ, а также съ просьбою указать наиболѣе нуждающіеся въ помощи пункты губерній. Самарскій губернаторъ г. Брянчаниновъ разъяснилъ, что открывать свои столовыя онъ можетъ, только присоединившись къ представителямъ управленія „Краснаго Креста“ и являясь завѣдующимъ отдѣльнымъ райономъ этого управленія.

Г. Анушъ, однако, на это условіе не согласился и обратился съ предложеніемъ своего пожертвованія къ казанскому губернатору, съ категорическимъ указаніемъ, что онъ желаетъ исключительно лично, вмѣстѣ со своими сотрудниками, и самостоятельно открывать столовыя для голодающихъ крестьянъ.

Интересно было бы узнать, на какомъ законѣ жидется разъясненіе самарскаго губернатора?

Въ м. Семеновкѣ, Черниговской губ., возлѣ каждой казенной винной лавки красуется написанное крупными буквами на большихъ листахъ бумаги **объявленіе**: „Многіе отъявленные пьяницы и первостатейные негодяи позволяютъ себѣ на улицахъ, площадяхъ, въ торговыхъ винныхъ лавкахъ, ренсковыхъ погребкахъ и въ другихъ публичныхъ мѣстахъ пить водку, каковыя безнравственныя поступки строго воспрещаются закономъ. Вслѣдствіе этого и на основаніи 153 и 154 ст. уст. о прел. и прес. преступл., я, объявляя объ изложенномъ во всеобщее свѣдѣніе, требую отнынѣ не допускать уличнаго пьянства, причемъ предупреждаю, что всѣ тѣ, которые, позволяя себѣ пить водку въ указанныхъ выше публичныхъ мѣстахъ, обнаружатъ тѣмъ свою принадлежность къ отъявленнымъ пьяницамъ и первостатейнымъ негодяямъ, будутъ всякій разъ безъ малѣйшаго снисхожденія привлекаемы къ законной отвѣтственности. 1899 г., апрѣля 23, м. Семеновка, становой приставъ 2 стана Новозыбковскаго уѣзда В. Божко“.

Издаваемая съ 1894 г. губернскимъ земствомъ **народная „Вятская Газета“**, разсылавшаяся всѣмъ школьнымъ и народнымъ библіотекамъ губерній, награжденная Императорскимъ вольнымъ экономическимъ обществомъ золотой медалью, распоряженіемъ г. министра народнаго просвѣщенія 1 мая изъята изъ библіо-

текъ начальныхъ училищъ, согласно заключенія попечителя округа, основаннаго на отзывѣхъ вятскаго губернскаго и епархіальнаго начальства.

(„Спб. Вѣд.“).

„Ниж. Лист.“ отмѣчаетъ, что изъ полученнаго въ губернскомъ присутствіи отчета о движеніи въ 1898 году дѣлъ въ волостныхъ судахъ Балахнинскаго уѣзда видно, что изъ 1,683 уголовныхъ дѣлъ, только по 6 дѣламъ были постановлены приговоры о **тѣлесномъ наказаніи**,—причемъ одинъ изъ приговоровъ отмѣненъ уѣзднымъ съѣздомъ, а по остальнымъ приговорамъ тѣлесное наказаніе, по распоряженію земскихъ начальниковъ, замѣнено другими наказаніями. При этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что въ большинствѣ волостныхъ судовъ тѣлесное наказаніе не примѣнялось, и что вообще въ 1898 г. въ Балахнинскомъ уѣздѣ не было допущено къ исполненію ни одного приговора о тѣлесномъ наказаніи.

20 апрѣля сего года въ Нижнемъ Новгородѣ въ помѣщеніи 1 кремлевской полицейской части была произведена **кровавая расправа** съ крестьяниномъ Вздоховымъ.

Вздохова, непьянаго, когда онъ направлялся къ губернаторскому дому съ бумагой въ рукѣ съ цѣлью подать какую-то жалобу, забралъ городской Шелеметьевъ и доставилъ въ управленіе 1-й части, гдѣ Вздоховъ и былъ немедленно заключенъ въ арестантскую. Когда, протестуя противъ своего заключенія, Вздоховъ сталъ кричать въ арестантскую, туда вошли 4—5 городскихъ во главѣ съ Шелеметьевымъ и ключникомъ и стали бить Вздохова. Крики не унимались—явился дежурный околоточный надзиратель Пановъ, схватилъ Вздохова за волосы,—пригнулъ его къ полу и, наступивъ колѣномъ на голову, присоединился къ своимъ подчиненнымъ. Результатъ—смерть Вздохова, какъ послѣдствіе сплошнаго кровозліянія въ грудную полость и перелома десяти реберъ. Характерная подробность этого случая: незадолго до доставленія Вздохова въ части былъ товарищъ прокурора г. Федорчукъ и, найдя тамъ неисправность, особенно рекомендовалъ человеческое отношеніе къ арестуемымъ. Затѣмъ изъ части товарищъ прокурора перешелъ черезъ дорогу въ арестантскія исправительныя отдѣленія и едва ли не въ то время, когда онъ находился тамъ, т. е. на разстояніи какихъ либо 20 сажени отъ части,—въ послѣдней свершалось убійство Вздохова.

По дѣлу теперь ведется энергичное слѣдствіе. Городовой Шелеметьевъ заключенъ подѣ стражу, остальные участники исключены со службы. Приставъ части Мухановъ причисленъ къ губернскому правленію, полиціймейстеру Яковлеву объявленъ губернаторомъ въ приказѣ выговоръ.

29 апрѣля Московская судебная палата, съ участіемъ сословныхъ представителей въ г. Владимірѣ слушала дѣло по обвиненію крестьянъ с. Барскаго-Городища, Суздальскаго уѣзда Николая Кралина, 44 лѣтъ, Дмитрія Кралина, 22 лѣтъ, и Петра Кралина, 20 лѣтъ, въ **сопротивленіи властямъ съ насиліемъ**.

Земскій начальник 1-го уч. Суздальскаго уѣзда Рагозинъ 7 апрѣля прошлаго года, на основаніи 61 ст. полож. о зем. нач. постановилъ подвергнуть трехдневному аресту при волостномъ правленіи крестьянина Дмитрія Кралина за дерзости, сказанныя имъ на базарѣ въ гор. Суздаль волостному старшинѣ Попкову, и за отказъ его извиниться передъ этимъ старшиной. На другой день земскій начальникъ постановилъ подвергнуть тому же наказанію брата помянутаго Кралина, Петра, за неявку къ нему для объясненій, а на слѣдующій день по той же причинѣ постановилъ подвергнуть аресту и отца обоихъ Кралиныхъ, Николая Кралина. 9-го же апрѣля земскій начальникъ приказалъ старшинѣ Попкову привести въ исполненіе постановленія относительно Петра и Дмитрія Кралиныхъ. Попковъ, явившись поздно вечеромъ въ Барское-Городище и пригласивъ сельскаго старосту Хмѣльнова и крестьянъ, въ количествѣ приблизительно 20-ти человѣкъ, около 11-ти час. ночи отправились къ дому Кралиныхъ; домъ былъ запертъ, огня въ немъ не было, и всѣ въ немъ очевидно спали; на стукъ пришедшихъ домъ отпертъ не былъ и старшина, подождавъ нѣкоторое время, силою отворилъ входную дверь. Проникнувъ въ домъ, старшина и нѣкоторые изъ крестьянъ, при свѣтѣ припеннаго фонаря, поднялись по лѣстницѣ во второй этажъ дома, но едва они дернули дверь горницы, какъ въ ней показались два брата Кралины и ихъ отецъ. Одинъ изъ Кралиныхъ ударилъ при этомъ старшину по щекѣ; въ то же время изъ рукъ старосты Хмѣльнова былъ вышибленъ фонарь, а самъ Хмѣльновъ, находившійся въ нетрезвомъ видѣ, упалъ, послѣ чего всѣ пришедшіе бросились внизъ по лѣстницѣ, причемъ Кралины еще разъ ударили старшину въ спину и порвали ему шубу. На слѣдующее утро Дмитрій и Петръ Кралины добровольно отправились въ волостное правленіе для отбытія наказанія; отбылъ арестъ и ихъ отецъ Николай Кралинъ.

При разсмотрѣніи дѣла палатою выяснилось, что когда волостной старшина пришелъ арестовывать Кралиныхъ, домъ былъ дѣйствительно запертъ и въ немъ всѣ спали. На стукъ старшины кто-то изъ Кралиныхъ спросилъ, кто тамъ и зачѣмъ пришли. Старшина отвѣтилъ, что пришелъ арестовать по приказу земскаго начальника. На это послѣдовалъ вопросъ, есть ли приказъ, и когда старшина отвѣтилъ, что приказа нѣтъ, отпереть дверь ему отказались, послѣ чего дверь по приказанію старшины была выломана. Били ли старшину, и если били, то кто именно,—никто изъ свидѣтелей показать не могъ; нѣкоторые изъ свидѣтелей положительно утверждали, что старшину никто не билъ. На вопросъ предсѣдателя, почему же на предварительномъ слѣдствіи они показывали иначе, двое изъ свидѣтелей заявили, что они и слѣдователю показали то же самое, но слѣдователь записалъ не такъ и заставилъ подписать протоколъ, угрожая въ противномъ случаѣ арестовать.

Судебная палата оправдала Кралиныхъ. („Русск. Вѣд.“).

Ночью на 23 апрѣля двумя выстрѣлами изъ ружья, чрезъ оконную раму, въ своемъ имѣніи Варваровкѣ, Острогоек. у. Ворон. губ., убитъ земскій на-

чальникъ 5-го участка П. А. Ренъе. Для производства дознанія къ мѣсту происшествія прибыли власти съ губернаторомъ во главѣ. За короткое время—это уже второй случай покушенія на жизнь мѣстныхъ земскихъ начальниковъ. Въ прошломъ году въ сосѣднемъ Павловскомъ уѣздѣ стрѣляли (и тоже чрезъ окно) въ земскаго начальника г. Д., оказавшагося болѣе счастливымъ: онъ былъ слегка контуженъ самодѣльной картечью въ лобъ. („Вирж. Вѣд.“).

7, 8 и 9 апрѣля, въ г. Енисейскѣ, въ выѣздной сессіи Иркутскаго военно-окружнаго суда слушалось дѣло по обвиненію крестьянина изъ сельскихъ Дрямова и крестьянина Грачевъ въ томъ, что они, совмѣстно съ двумя другими, до сихъ поръ не розысканными соумышленниками, произвели, съ цѣлю грабежа, **вооруженное нападеніе** на четырехъ, возвращавшихся изъ тайги, присковыхъ рабочихъ, двоихъ изъ нихъ убили, причемъ на одномъ зажгли на живомъ платьѣ, такъ что тотъ умеръ въ жестокихъ мученіяхъ.

По особому распоряженію г. Иркутскаго военнаго генералъ-губернатора, Грачевъ и Дрямовъ преданы военно-окружному суду для сужденія по законамъ военнаго времени.

Обстоятельства дѣла таковы:

Вечеромъ 30 сентября 1898 г. къ земскому засѣдателю явился крестьянинъ Ефимъ Ивановъ и разсказалъ, что онъ работалъ на Ожидаемомъ пріискѣ, 24 сентября разсчитался тамъ и ушелъ оттуда вмѣстѣ съ тремя товарищами своими. Не доходя верстъ 8 до дер. Нифантьевой, они встрѣтили четырехъ неизвѣстныхъ человѣкъ. Одинъ изъ нихъ спросилъ: „играютъ ли на зимовьяхъ въ карты?“ и, получивъ утвердительный отвѣтъ, тотчасъ почти въ упоръ выстрѣлили изъ револьвера. Испугавшись, Ивановъ побѣжалъ по дорогѣ, а потомъ свернулъ въ лѣсъ. Въ него было произведено еще пять выстрѣловъ; пули летѣли такъ близко, что онъ слышалъ ихъ свистъ. Не слыша за собой больше погони, Ивановъ остановился, а потомъ вышелъ на дорогу, по которой онъ и пришелъ въ дер. Нифантьеву для заявленія о случившемся. Ивановъ, между прочимъ, въ высшей степени подробно описалъ примѣты и одежду всѣхъ четырехъ преступниковъ! Затѣмъ свидѣтель показавъ, что у одного изъ его товарищей — Андреева, были при себѣ два двадцати-пяти рублевыхъ кредитныхъ билета и одинъ десятирублевый. Сходныхъ по примѣтамъ, описаннымъ Ивановымъ, людей видѣли на Нифантьевской дорогѣ, въ день преступленія, еще нѣсколько свидѣтелей, причемъ одинъ изъ нихъ, крестьянинъ Жуковъ, показавъ, что встрѣченные имъ четверо людей, увидѣвъ свидѣтеля, какъ-то странно присѣли и затѣмъ быстро побѣжали.

6 октября въ Енисейскѣ были арестованы двѣ подозрительныя личности, безъ письменныхъ видовъ, оказавшіяся Дрямовымъ и Грачевымъ. При предъявленіи ихъ Иванову, послѣдній категорически заявилъ, что оба они участвовали въ нападеніи на него и въ убійствѣ его товарищей. Въ Дрямовѣ онъ призналъ обратившагося къ нему съ вопросомъ, „играютъ ли на зимовьяхъ въ карты“. Свидѣтель Шипельскій объяснилъ, что въ первыхъ числахъ октября Грачевъ съ Дрямовымъ заходили къ нему въ гости и пили водку. Когда

кончили одну бутылку, Грачевъ съ товарищемъ вышли изъ комнаты и, возвратившись черезъ минуту, Грачевъ налѣпивъ на пустую бутылку двадцати пяти рублевую бумажку, просилъ сходить за водкой и тогда же сказалъ свидѣтелю, что выигралъ въ карты 60 рублей.

Оба обвиняемые доказывали свое alibi, но всѣ ихъ ссылки съ этой цѣлью на различныхъ свидѣтелей, показанія послѣднихъ не подтвердились.

На судебномъ слѣдствіи всѣ данныя предварительнаго слѣдствія, за небольшими измѣненіями, подтвердились.

Во время одного изъ перерывовъ засѣданія суда, жанд. ротмистръ заявилъ прокурору суда, что вахмистръ Лапшинъ доложилъ ему, будто рядовой Краснофѣвъ слышалъ между подсудимыми слѣдующій разговоръ: „Тебѣ слѣдовало, — говорилъ Грачевъ Дрямову, — хорошо стрѣлять, тогда бы всего этого не вышло, а мы бы понапрасну не маялись; но если намъ удастся освободиться, то Иванову конецъ“...

Допрошенные, по постановленію суда, въ качествѣ свидѣтелей, ротмистръ Арцыбашевъ, вахмистръ Лапшинъ и рядовой Краснофѣвъ — все изложенное подтвердили...

Какъ Грачевъ, такъ и Дрямовъ продолжали упорно настаивать на своей невинности. Судъ призналъ обвиняемыхъ невинными въ сожженіи живымъ Андреева и виновными въ произведеніи нападенія на цѣлью грабежа на четырехъ возвращавшихся присяжныхъ рабочихъ и въ убійствѣ двухъ изъ нихъ и приговорилъ ихъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ смертной казни черезъ повѣшеніе. („Сиб. Вѣстн.“).

Библіографія.

Вѣстникъ Права. Апрель 1899 г.

Г. Тарновскій продолжаетъ неутомимо и чрезвычайно умѣло трудиться надъ разработкой уголовно-статистическаго матеріала. Настоящее его изслѣдованіе о „религіозныхъ преступленіяхъ въ Россіи“ изобилуетъ весьма интересными и цѣнными данными по вопросу, составляющему „характерную особенность нашей криминалистики“, такъ какъ „большинство религіозныхъ преступленій караются исключительно нашимъ уложеніемъ о наказаніяхъ“. — Рѣче всего бросается въ глаза необычайный ростъ религіозныхъ преступленій за послѣднія 20 л. Непрерывно возрастаая, число дѣлъ по обвиненію въ религіозныхъ преступленіяхъ съ 310 въ 1874 г. поднялось до 1218 въ 1893 г. Этотъ годъ является кульминаціоннымъ, затѣмъ начинается уже постепенное паденіе, которое, однако, далеко не соответствуетъ предшествовавшему росту. Авторъ ограничивается по этому поводу однимъ лишь констатированіемъ „реального характера увеличенія, т. е. дѣйствительнаго увеличенія числа случаевъ отпаденія отъ православія, а не усиленіемъ бдительности духовнаго начальства“, но не пытается объяснить ни причинъ этого роста, ни столь необъяснимаго съ перваго взгляда обратнаго паденія начиная съ 1893 г. — Наибольшій контингентъ религіозныхъ преступленій даютъ, съ одной стороны, Прибалтійскій край, а съ другой, Волжско-Камскій районъ (махімумъ — Нижегородская губернія). На ряду съ этимъ необычайнымъ ростомъ кажется намъ въ высшей степени характернымъ отмѣчаемое авторомъ явленіе, что „религіозныя преступленія

принадлежать къ числу преступленій, наименѣе оправдываемыхъ у насъ, какъ коронными судьями, такъ и присяжными засѣдателями“, причемъ, что еще любопытнѣе, по отношенію къ отступленію и соращенію въ ересь, присяжные меньше оправдываютъ, чѣмъ коронный судъ. Если при этомъ принять во вниманіе, что религіозныя преступленія совершаются преимущественно неграмотными (55,6 % общаго числа) крестьянами (79,9 %), занимающимися сельскимъ хозяйствомъ (66,3 %) и что присяжные засѣдатели комплектуются, по условіямъ 81 и 84 ст. учр. суд. уст., главнымъ образомъ изъ другихъ классовъ населенія, то смѣло можно заключить, что судьи и судимые другъ друга не понимаютъ и что присяжные засѣдатели не усматриваютъ, въ противоположность правильному взгляду автора, въ религіозныхъ преступленіяхъ „проявленіе религіозныхъ запросовъ, движеній и вѣрованій, глубоко коренящихся въ народной жизни“. Чрезвычайно страннымъ можетъ показаться съ перваго взгляда отмѣчаемый г. Тарновскимъ фактъ слабого участія (6 % общаго числа противъ 14,3 % въ другихъ преступленіяхъ) въ религіозныхъ преступленіяхъ черноработчихъ и поденщиковъ — класса наиболѣе нуждающагося и необезпеченнаго въ экономическомъ отношеніи. — По мнѣнію автора, это объясняется тѣмъ, что „религіозная мечтательность и сектанство можетъ зародиться только при нѣкоторомъ достаткѣ, а не среди совершенной бѣдности и экономической зависимости, отбывающихъ всякую охоту къ какимъ бы то ни было умствованиямъ, помимо заботъ о насущномъ кускѣ хлѣба“. Мы не можемъ остановиться за недостаткомъ мѣста на сдѣланномъ авторомъ распредѣленіи религіозной преступности между полами, національностями, по мѣсту совершенія преступленія, но не можемъ въ заключеніе не замѣтить, что все это заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія, особенно съ точки зрѣнія уголовной политики.

Статья Н. М. Коркунова „Наше законодательство о почетномъ гражданствѣ въ его отношеніи къ развитію образованія въ крестьянскихъ и мѣщанскихъ обществахъ“ представляетъ докладъ, читанный въ административномъ отдѣленіи С.-Петербургскаго Юридическаго Общества.

Существо взглядовъ, приводимыхъ ученымъ авторомъ въ этой работѣ, было уже изложено на страницахъ „Права“ (См. № 3, стр. 193—195), почему мы, рекомендуя эту статью вниманію нашихъ читателей, теперь на ней и не останавливаемся.

С. П. Никоновъ въ статьѣ „Юридическая природа авторскаго права“ сжато излагаетъ существующія теории авторскаго права (право обязательственное, возникающее изъ безмолвнаго соглашенія издателя съ покупателемъ; право собственности; личное право (Recht der Person); своеобразный институтъ — право на нематеріальныя блага; Immatérielles Güterrecht). С. П. Никоновъ примыкаетъ къ теоріи, признающей авторское право правомъ собственности. Объектомъ его является нематеріальное благо, въ противорѣчіе господствующимъ въ юридической литературѣ римскимъ воззрѣніямъ, признающимъ объектомъ права собственности только предметы матеріальныя. Однако, правомъ обязательственнымъ уже признаны соглашенія, направленныя содержаніемъ своимъ на благо нематеріальныя. Подъ напоромъ все большаго усиленія умственной дѣятельности человечества и стремленія усвоить за лицомъ плоды такой дѣятельности все болѣе расплывается, по мнѣнію автора, старый узко-матеріальный строй вещныхъ правоотношеній. Но законодательство еще не усвоило себѣ этой точки зрѣнія, и въ настоящее время авторскія права переживаютъ критическій періодъ въ своемъ развитіи. „Подведеніе авторскихъ правъ подъ рубрику права собственности есть еще дѣло будущаго“, но С. П. Никоновъ считаетъ „наиболѣе важнымъ и соответствующимъ современному

положенію вещей разсматривать ихъ (авторскія права), какъ *аналогію права собственности*, причемъ полагаетъ, что „воззрѣніе это вполне согласно и съ общимъ смысломъ нашихъ законовъ гражданскихъ“. Для того, однако, чтобы придти къ такому выводу, было бы необходимо раньше всего доказать, что нормы, общія для права собственности и авторскаго права, настолько многочисленны, что рационально признаніе ихъ разновидностями одного и того же правоотношенія, различными лишь въ той же мѣрѣ, въ которой различны права на движимыя и недвижимыя вещи. Въ этомъ именно и заключается центръ вопроса.

Въ статьѣ „**Право городского общественнаго управленія продавать съ публичнаго торга городскія недвижимыя имущества**“, написанной по поводу рѣшенія гражд. касс. деп. № 98, отрицающаго это право городовъ, М. Мышь обстоятельно разбираетъ какъ мотивы этого рѣшенія, въ которомъ Сенатъ отступилъ отъ своей прежней практики, такъ и самый вопросъ по существу, причемъ приходитъ къ тому выводу, что „городскія поселенія, дѣйствующія по городовому положенію 1870 г., либо 1892 г., вправдѣ, если находять для интересовъ города удобныя, продавать городскія имущества съ публичныхъ торговъ, при условіи предварительнаго утвержденія ихъ постановленій къ отчужденію этихъ имуществъ министромъ вн. дѣлъ“.

М. С. Гольденвейзеръ въ статьѣ „**Проектъ устава о вотчинной регистраціи и ипотечный кредитъ**“ указываетъ, что проектъ новаго порядка приобретенія и укрѣпленія правъ на имущества, представляющій огромный и истинно-научный трудъ, своевременно преданный самой широкой гласности, до сихъ поръ не вызвалъ „ни одной крупной работы“, посвященной его разбору. Авторъ сопоставляетъ это явленіе съ тѣмъ, что въ Германіи по прошествіи 3—4 лѣтъ послѣ опубликованія перваго проекта общегерманскаго гражданскаго уложенія появилось, какъ видно изъ специально изданнаго каталога, не менѣе тысячи монографій, посвященныхъ разбору этого проекта. Тѣмъ болѣе цѣнной является всякая серьезная попытка критической оцѣнки нашихъ законопроектвъ. Впрочемъ, авторъ касается почти исключительно „вновь проектированнаго при вотчинной системѣ порядка понудительнаго взысканія съ недвижимыхъ имуществъ, насколько этотъ порядокъ кореннымъ образомъ видоизмѣняетъ принадлежавшее кредитнымъ учрежденіямъ право самостоятельнаго взысканія съ неисправныхъ заемщиковъ“, и приходитъ къ выводу, что проектируемая процедура продажи совершенно непригодна для банковъ въ виду своеобразнаго характера долгосрочнаго кредита, особенностей котораго редакціонная комисиія не приняла вовсе во вниманіе. Признавая проектъ вотчинной реформы „по его строго научной разработкѣ, по стройности отдѣльныхъ частей и послѣдовательности, съ которой приведены всѣ подробности... замѣчательною законодательною работой“, авторъ полагаетъ, что въ проектѣ „содержится, однако, цѣлый рядъ такихъ мѣръ и постановленій, которыя составляютъ ненужныя и легко устранимыя стѣсненія ипотечнаго кредита... отнюдь не обусловливаемыя особенностями новаго порядка“. Эти излишнія стѣсненія имѣютъ, по мнѣнію М. С. Гольденвейзера, „своими источниками слишкомъ узкую точку зрѣнія на общественную пользу не только частныхъ кредитныхъ учреждений, но и... дворянскаго земельнаго и крестьянскаго банковъ“. Ошибка проекта заключается по мнѣнію автора въ томъ, что нормы для будущихъ сдѣлокъ по залогу недвижимостей были приоровлены не къ долгосрочному ипотечному кредиту, который является у насъ преобладающимъ, но къ договорному залогу между частными лицами. Въ частности, авторъ предлагаетъ распространить на имѣнія, заложенные въ банкахъ, правило, въ силу котораго договоры

найма, заключенные прежнимъ вотчинникомъ, хотя бы и не внесенные въ вотчинную книгу, сохраняютъ свою силу на три года со времени внесенія новаго вотчинника.

Чрезвычайно важному, насущному для судебной практики вопросу посвящена статья В. Ширкова „**о вызовѣ свидѣтелей по закону 18 марта 1896 г.**“ Этимъ закономъ измѣнена ст. 575 уст. уг. суд., согласно которой, въ случаѣ ходатайства сторонъ о вызовѣ новыхъ свидѣтелей, не спрошенныхъ на предварительномъ слѣдствіи, судъ долженъ быть принимать во вниманіе основательность представляемыхъ къ тому причинъ и важность обстоятельствъ, подлежащихъ разъясненію. По правилу же слѣдующей 576 ст. уст. уг. суд., „если участвующее въ дѣлѣ лицо, въ теченіе недѣли отъ объявленія ему объ отказѣ въ вызовѣ указанныхъ имъ свидѣтелей, заявить, что оно принимаетъ вызовъ ихъ на свой счетъ, то дѣлается немедленно распоряженіе о вызовѣ сихъ свидѣтелей на счетъ просителя, или предоставляется ему пригласить ихъ въ судъ отъ себя, по добровольному съ нимъ соглашенію“.

Въ періодъ до 1874 г. кассационная практика не ограничивала подсудимаго въ его правѣ просить о вызовѣ свидѣтелей на его счетъ или о предоставленіи ему пригласить ихъ отъ себя. Но засимъ по дѣлу Засуличъ (1878 г. № 34) Пр. Сенатъ, раздѣливъ свидѣтелей на категоріи—имѣющихъ существенное значеніе для дѣла, несущественныхъ, и не имѣющихъ никакого отношенія къ дѣлу, разъяснилъ, что послѣднюю категорію свидѣтелей судъ не имѣетъ права ни вызвать по 575 ст., ни допускать въ отношеніи ихъ примѣненія 576 ст.

Теперь въ новой редакціи ст. 575 гласитъ, что „ходатайство о вызовѣ... предсѣдатель предлагаетъ на разрѣшеніе суда, который при этомъ принимаетъ въ соображеніе, могутъ ли имѣть значеніе для дѣла обстоятельства, подлежащаго разъясненію показаніями этихъ свидѣтелей“. Возникаетъ вопросъ, остается ли при измѣненной редакціи въ силѣ прежнее разъясненіе Сената, т. е. имѣетъ ли право судъ входить въ разсмотрѣніе вопроса о значеніи для дѣла показаній тѣхъ свидѣтелей, о вызовѣ коихъ на свой счетъ ходатайствуетъ сторона, и отказывать въ такомъ ходатайствѣ, если признаетъ показанія ихъ не имѣющими значенія для дѣла. Какъ замѣчаетъ авторъ, толкованіе Пр. Сенатомъ ст. 576,—и при прежней редакціи 575 ст.,—вызвало всѣякія возраженія со стороны В. Д. Спасовича, А. К. Вульфберта и В. П. Давенскаго, теперь же это разъясненіе во всякомъ случаѣ должно быть признано утрачившимъ свою силу; признавать противное, т. е. допускать, что „по 576 ст. могутъ быть вызваны лишь свидѣтели, показанія коихъ хотя и несущественны, но относятся къ дѣлу, значить фактически отмѣнить 576 ст., такъ какъ теперь и несущественные свидѣтели, показанія коихъ лишь относятся къ дѣлу, должны быть вызываемы по 575 ст. на счетъ казны. Слѣдовательно, въ виду измѣненія ст. 575, судъ долженъ удовлетворять домогательства подсудимыхъ, заявленныхъ по 576 ст., даже и въ томъ случаѣ, если показанія просимыхъ свидѣтелей, по мнѣнію суда, не имѣютъ никакого отношенія къ дѣлу“.

Едва ли можно что либо-возразить противъ этого заключенія: настолько оно ясно и просто въ своей логической послѣдовательности. Къ сожалѣнію, Пр. Сенатъ, какъ можно предположить изъ резолюціи его по д. Колесниковыхъ, въ которомъ именно этотъ вопросъ возбуждался (см. Право № 15 стр. 774), остался при прежнемъ, безусловно неправильномъ толкованіи, которое несомнѣнно противорѣчитъ цѣлымъ правосудію возможно полноѣ раскрыть истину. „Отказъ суда во время приговорительныхъ распоряженій въ вызовѣ свидѣтелей нерѣдко всплываетъ на судебномъ слѣдствіи и производитъ на присяжныхъ удручающее впечатлѣніе. Въ этомъ они ви-

дять стѣненіе защиты, вслѣдствіе чего при нѣскольکو сомнительномъ обвиненіи предпочитаютъ выносить оправдательный вердиктъ“.

Въ редакціонной статьѣ „Своеобразная критика“ подвергается детальному разбору напечатанная въ „Журн. Мин. Ю.“ № 3 статья г. Нечаева: „Вѣстникъ права и юриспруденція XIX вѣка“ (см. „Право“ № 15 ст. 742). Редакція заявляетъ, что статья г. Нечаева дѣлаетъ полемику неумѣстной, такъ какъ является лишь длинной и кропотливой компиляціей чужихъ взглядовъ, причемъ, однако, какъ эти взгляды, такъ и положенія, выставленныя въ критикуемой Нечаевымъ статьѣ, не поняты имъ и искажены. Доказательству этого и посвящена настоящая редакціонная статья, написанная въ чрезвычайно рѣзкомъ тонѣ.

Въ *юридическомъ обозрѣніи* обширная статья (болѣе 80 стр.) посвящена злополучному дѣлу бр. Скитскихъ, начиная съ самаго момента его возникновенія и кончая вторымъ, обвинительнымъ приговоромъ. Редакція подвергаетъ детальному разбору данныя предв. слѣдствія, какъ они изложены въ обв. актѣ, и приходитъ къ справедливому выводу, что дѣло объ убійствѣ Комарова является „безпримѣрнымъ, если можно такъ выразиться, примѣромъ неумѣлаго предварительнаго слѣдствія. Вмѣсто доказательствъ обвиненія преданіе суду основывается на отсутствіи доказательствъ оправданія“. Въ свою очередь—приговоръ, въ сущности, повторяетъ тѣ же доводы, которые изложены въ обвинительномъ актѣ и которые, въ виду крайней его шаткости, едва ли могутъ считаться весьма убѣдительными. И дѣйствительно, судя по тѣмъ отзывамъ, которые проникали въ различные органы печати, обвинительный приговоръ никого не убѣдилъ въ виновности Скитскихъ. Къ счастью для нихъ, при постановкѣ приговора допущены серьезныя нарушенія обрядовъ судопроизводства, которыя и послужатъ предметомъ вторичнаго разсмотрѣнія въ Пр. Сенатѣ по касс. жалобамъ защитниковъ.

Замѣтка „Вознагражденіе за убытки по ст. 683 т. X ч. I“ направлена на опроверженіе взгляда, высказаннаго по этому вопросу К. П. Змирловымъ на стр. „Права“ (№ 11). Въ противоположность мнѣнію г. Змирлова, авторъ замѣтки полагаетъ, что „всякій долженъ вознаградить потерпѣвшаго отъ его незаконныхъ дѣйствій“ и что потому не можетъ быть сомнѣнія въ правѣ мужа на вознагражденіе за смерть жены. Авторъ очень удачно поясняетъ свою мысль слѣдующимъ сравненіемъ. Если бы поѣздомъ желѣзной дороги была раздавлена не жена истца, а его лошадь, то несомнѣнно истецъ имѣлъ бы право на вознагражденіе; въ такомъ случаѣ, спрашиваетъ авторъ, „гдѣ основаніе въ законѣ къ отрицанію такого же права относительно рабочей стоимости труда его (истца) жены“. Эту аналогію можно признать весьма удачной и неотразимой, но лишь съ точки зрѣнія права, рассматривающаго жену, какъ „собственность“ мужа. Но вѣдь по нашему праву жена не собственность мужа, а самостоятельный субъектъ права! Съ своей стороны, мы тоже позволимъ себѣ иллюстрировать неправильность мнѣнія автора замѣтки двумя примѣрами. Богатый человекъ, тратившій большія суммы денегъ на содержаніе любовницы, гибнетъ при желѣзнодорожной катастрофѣ. Смерть его причиняетъ любовницѣ очевидный ущербъ, который, допустимъ, можетъ быть установленъ путемъ различныхъ доказательствъ въ совер-

шенно опредѣленныхъ цифрахъ. По мнѣнію автора замѣтки, любовница можетъ предъявить искъ по 683 ст., такъ какъ это право принадлежитъ всякому потерпѣвшему?

Другой примѣръ: во время желѣзнодорожной катастрофы гибнетъ должникъ, уплачивавшій изъ личныхъ заработковъ свои долги. Кредиторы теряютъ всякую возможность получить удовлетвореніе по своимъ претензіямъ, ergo они имѣютъ право на искъ объ убыткахъ?

Кругъ лицъ, коимъ предоставляется право на возмѣщеніе ущерба, понесеннаго вслѣдствіе смерти или поврежденія здоровья лица, всѣми законодательствами ограничивается, онъ несомнѣнно ограниченъ, по примѣру западныхъ законодательствъ, и въ нашихъ законахъ гражданскихъ, и слѣдовательно весь вопросъ лишь въ томъ, насколько широко очерченъ въ нашихъ законахъ этотъ кругъ лицъ. Основываясь на толкованіи текста закона и его сопоставленіи съ тѣми западными законодательствами, которыя послужили ему образцомъ, К. П. Змирловъ приходитъ къ тому выводу, что къ этому кругу лицъ не относится мужъ, потерявшій свою жену. Можно, конечно, не согласиться съ этимъ выводомъ. Но нельзя видѣть серьезное возраженіе противъ него въ явно неправильномъ утверженіи, будто всякій можетъ требовать возмѣщенія ущерба, понесеннаго имъ вслѣдствіе чьихъ-либо незаконныхъ дѣйствій. Стараясь доказать это положеніе, авторъ совершенно упустилъ изъ виду дѣйствительный предметъ спора.

ОТВѢТЫ РЕДАКЦИИ.

Подписчику № 148.

Списокъ государствъ, въ коихъ русскіе подданные освобождены отъ представленія обезпеченія издержекъ по дѣлу и возможныхъ убытковъ, составляемый министромъ юстиціи на основаніи прим. 2 къ 571 ст. уст. гр. суд., публикуется въ собраніи узак. и распоряж. прав. по мѣрѣ заключенія конвенцій съ государствами по этому вопросу. До настоящаго времени въ списокъ этотъ внесены: Франція (собр. уз. 1896 г. № 97 ст. 1076), Италия (1897 г. № 85 ст. 1049) и Германія (1897 г. № 107 ст. 1473).

При этомъ № годовымъ подписчикамъ разсылаются 6-й листъ рѣшен. уголовн. кассац. деп. Пр. Сената за 1898 г. и 2-ой собранія узакон. и распоряж. правител. за 1899 г.

Редакторы-издатели: Приватъ-доцентъ В. М. Гессенъ.

Типографія Спб. акц. общ. печ. дѣла въ Россіи Е. Евдокимовъ. Троицкая ул., 18.

Н. И. Лазаревскій.

Список дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Правительствующемъ Сенатѣ.

На 28 мая, по первому общему собранію.

По всеподданнѣйшимъ жалобамъ: Поповичаго на опред. деп. гер. Прав. Сен. объ отк. въ утв. его съ дѣтьми въ пот. двор.; содержателей вольныхъ почтъ Михайловыхъ объ обл. ихъ лошадей сб. въ пользу гор. Нижняго-Новгорода; Ваньковича объ обл. принадл. ему въ г. Минскѣ недвиж. имущ. общ. сб.; Фридланда и курат. конк. упр. несост. должн. Мера Фридланда и др. о разсчетахъ съ воен. вѣд. по перевозкѣ каз. тяжестей и людей въ Туркест. край; уполн. моск. гор. думы, и. д. гор. гол. Щепкина о разсчетахъ съ казн. за расквартир. войскъ въ г. Москвѣ.

За разглашеніемъ: по рап. м. вн. дѣлъ отъ 12 іюля 1896 г. за № 6264 о разглашеніи съ Государст. контр. по воп. о возобновленіи производства прибавочнаго жалованья кол. ассес. Родионову и отст. подполк. Жаеву; помощ. нач. приамур. поч.-телеграф. окр. ст. сов. Цеко на мин. внутр. дѣлъ за отказъ въ удовлетвореніи его приб. жал.; по жал. Плотичныхъ на постан. Ворон. губ. по пит. дѣл. присут. по предм. несправки доврѣ. его разрѣшенія на открытіе пит. зав. на баз. площ. безъ испрош. на то согл. сельскаго общ.; по жал. Мербеллеръ на м. фин. за отказъ въ удовлетв. ея ходат. объ отмінѣ постановленія Плоткой казен. пал. по предмету исч. пошлинъ за безмездный переходъ имущ. по предбрачному договору; по жал. Рубинчика на постан. Мин. губ. правл. о высыл. его изъ дер. Новиковъ; по жал. Ландау на распоряж. Ряз. губ. правленія о неразрѣшеніи ему держать при себѣ двухъ слугъ изъ единовѣрцевъ; по жал. Юдицаго на постановленіе Могил. губ. по крест. дѣламъ прис. по предмету отобранія отъ просителя надѣла земли въ пользу крестьянина Степана Антонова по пригов. крестьянъ дер. Задубье части быв. во влад. пом. Журавскаго.

На 24 мая, по 3 Департаменту.

Апелляц.: по иску пов. торг. дома „И. А. Первущина сыновья“ съ Фирсовой объ убыткахъ; по иску Овѣчина къ Юрьеву объ исполненіи мировой сдѣлки.

Частныя: о неисполненіи указа Прав. Сен. по дѣлу о духовномъ завѣщаніи Богданова; Сморогова о ввѣдѣ во владѣніе; прошеніе крест. села Пошринскаго о разъясненіи указа Прав. Сен. по дѣлу съ Хондыскимъ о деньгахъ; пов. душеприказч. Нортныхъ о взыскаціи гербовога сбора; объ узаконеніи Просиными прижитаго внѣ брака сына; Мамашевой о несостоят. Мамашева; по иску Судопотова съ Исетова и др. 460 р.; Волинскаго по дѣлу о несостоят. золотопромышленной компаніи Горохова, Филипповыхъ и Атаикова; о продажѣ, залогѣ и перезалогѣ имуществъ: малолѣтнихъ: Голяцкой; Александровскаго; Быстрикова; наслѣдниковъ: Костяниничныхъ; Шпринскихъ; Житкова; Крыжановскаго; Мерицъ; Дмитриева; Каномолдо; Орловой; Шереметьевскаго; Сиренко; Гайнуллина; Юфы; объ освид. умств. способ.: Дремлюга; Жерлицыной

На 26 мая, по 5 Департаменту.

Арест.: о Чинтаевѣ въ ложной дачѣ показанія; Азимовой въ отравленіи; о Маулянкудаевѣ въ убійствѣ; о Нязкипѣ въ покушеніи на убійство; о Тлеусарыѣ въ побѣгѣ.

Апелляц.: о Талызинѣ и др. въ истязаніи.
Уголовныя: о Мусинѣ по 1525 ст. ул.; о Таймамбетовѣ по 1455 ст. ул.; жал. Паницы и Гребенщикова.

Частныя: жал. Орлова и Безсчетовна; жал. Урвика; о Кадрыбаевѣ по 282 ст. ул.; жал. Максимовича.

На 28 мая, по 2 отд. Угол. Касс. Департ.

Жалобы: Мартова Спб. о. с. 1707 улож.; Гликмана Виленск. о. с. 1697 ст. ул.; Буткевича Сморгонск. м. с. 174 ст. ул.; Павлюковъ Дубенск. м. с. 169 ст. ул.; Твардовскаго Житомирск. м. с. 169 и 170 ст. ул.; Рѣзникова и Ихельсона Уманск. м. с. 169 ст. ул.; Панкевича Литинск. м. с. по обв. Шинюкъ по 136 ст. ул.; Гришкиныхъ Чуховск. м. с. кража; Анткова Могилевск. м. с. 131 ст. ул.; Козловской Виленск. м. с. по обв. Мицкелевича и др. по 142 ст. ул.; Вобра Таращанск. о. с. 120² ст. ул.; Сеитъ-Умугъ-оглу Симферопольск. о. с. 996 ст. ул.; Камулина Череповецк. о. с. 1484 ст. ул.; Шукевича Спб. о. с. 1692 ст. ул.; Васильева Спб. о. с. 124 и 1655 ст. ул.; Фатѣва Симферопольск. о. с. 1465 ст. ул.;

Цѣрринскаго и др. Виленск. м. с. по обв. Бальцевича и Комаръ по 142 ст. ул.; Поповыхъ Житомирск. м. с. 47¹ и 180² ст. ул.; Маркевичъ Ушицк. м. с. 136 ст. ул.; Сеньковскаго Житомирск. м. с. 31 ст. ул.; Вайсермана Литинск. м. с. 48⁶ ст. ул.; Войка и Журбицкаго Могилевск. м. с. 170 и 172 ст. ул.; Сахарныхъ Одесск. гор. м. с. 44 ст. ул.; Мышенуда Минск. о. с. 1534 ст. ул.; Боршука Елисаветградск. о. с. 1649 ст. ул.; Веркоиса Ковенск. о. с. 1534 ст. ул.; Чумакова и Кравчука Новоградволинск. м. с. 142 ст. ул.; Рудченковой Гайсинск. м. с. 142 ст. ул.; Заботина Гайсинск. м. с. по обв. Циходкихъ по 142 ст. ул.; Пузовикова Житомирск. м. с. кража; Рефугта Одесск. гор. м. с. 135 ст. ул.; Зиберта и Буксъ Житомирск. м. с. 169 и 172 ст. ул.; Зралко Винницк. м. с. кража; Клопы Каневск. м. с. 135 ст. ул.; Лысенко Киевск. м. с. кража; Крутикова Спб. о. с. 1666 ст. ул.

На 28 мая, по 4 отд. Угол. Касс. Департ.

Жалобы: Верникъ Петроковск. 3 окр. м. с. по обв. Новака и др. въ обидахъ; Фогеля Калишск. 2 окр. м. с. 180 ст. ул.; Иванова Лепельск. м. с. порубка лѣса; Упр. Гос. Имущ. Ф.-Иллукетск. м. с. по обв. Ворука по 146¹ ст. ул.; Туркъ Ю.-Верроок. м. с. 155 ст. ул.; Масиса Новоалександровск. м. с. порубка лѣса; упр. гос. имущ. Никольск. м. с. по обв. Жилиныхъ и Пономарева въ порубкѣ лѣса; упр. гос. имущ. Никольск. м. с. по обв. Говорова въ порубкѣ лѣса; упр. гос. имущ. Никольск. м. с. по обв. Коряковскихъ и др. въ порубкѣ лѣса; Симонойтиса и Скуковского Вилкомирск. м. с. порубка лѣса; Шлейфера Радомысльск. м. с. по обв. Тыщенко и др. по 155 ст. ул.; Мамада-Гаджи-Вагабъ-оглы Тифлиск. с. п. 1523 ст. ул.; Фарниева Тифлиск. с. п. убійство; Горна Варшавск. гор. м. с. 129 ст. ул.; Лилъче Петроковск. 2 окр. м. с. 31 ст. ул.; Павельскаго Петроковск. 2 окр. м. с. обида; Лейзеровича и Кранца Петроковск. 1 окр. м. с. 172 ст. ул.; Воскресенскаго и др. Московск. с. п. 1485 ст. ул.; Жоховскаго Варшавск. 1 окр. м. с. по обв. Барановскаго въ растратѣ; Вультанскаго Ломжинск. 2 окр. м. с. 135 ст. ул.; Пригонскаго Варшавск. гор. м. с. 38 ст. ул.; Влюдюкса Сувальск. 2 окр. м. с. 153 ст. ул.; Бялковскаго Кѣлецк. 2 окр. м. с. кража; Дебеля Спб. с. п. 1632 ст. ул.; Гриневича и др. Виленск. с. п. 345 ст. ул.; Казіева и др. Тифлиск. с. п. 1653 ст. ул.; Яромия и др. Варшавск. с. п. 1490 ст. ул.; Левина и др. Виленск. с. п. 271 ст. ул.; Романовскаго и Свидинскаго Виленск. с. п. 354 ст. ул.; Мухайлова Тифлиск. с. п. 1453 ст. ул.; Каспарова и др. Тифлиск. с. п. разбой; Рогова Тифлиск. с. п. 272 ст. ул.; Велгара и др. Тифлиск. с. п. сопротивленіе власти; Румеля Спб. с. п. 1008 ст. ул.; Яшунскаго Спб. с. п. 286 ст. ул.

Протестъ тов. прок. на Екатеринодарск. м. с. по обв. Воброва въ обвѣстѣ.

Прошеніе о возоб. дѣла о Косаревой и Кривошеевѣ обв. по 994 ст. ул.

На 24 мая, по 1 отд. Гражд. Касс. Департ.

Палатскія: Тварковскихъ съ Снарскимъ и др.; Тыкоцинера и Гавровскихъ съ Рожмѣрскими и др.; прокураторіи въ Царств. Польск. по жалобѣ анц. общ. „Электричество“; Сееть съ Липшингеромъ; Любинковскаго съ Милевскимъ; Врубеля съ Бодыра и др.; гр. Суходольскаго съ Эйгеромъ и Варшавск. благотвор. общ.; барона фонъ-Штромбергера съ рижскимъ скаков. общ.; Рейна о крѣпостныхъ пошлинахъ.

Създовыя: Млинарчика съ Уклеемъ; Бочика и др. съ Державскимъ; Левкуца съ Выковскимъ; Тамма съ Закита; Менделя съ Линевецкимъ; Пупеца съ Билану; Цѣхановскаго съ Флемингъ; Делиндена съ Залѣскимъ; Гржималиса (онъ же Якубовскій) съ Михелемъ; Печинскихъ съ Квятковскимъ; гр. Суходольскаго съ Тауберомъ; Трусмана съ Писаревымъ; Загорскаго съ Карновской и Янчевскимъ; Жукайтисовъ съ Новякъ и Стржимайлисомъ; Браунштейна съ Вилгоровымъ; Пушина съ Бурилинъ; Версей съ Сверкомъ; Закржевскаго съ Шислеръ; Полескаго съ Кухтою; Ритмейстеръ съ фонъ-Нольде; Шиницкаго съ Лангасомъ; Жукайтиса съ Новякъ; Перельмутера съ Цукерманомъ; Югансона съ Кютманомъ; Вайсберга съ Согаломъ; Сропкъ съ Гутманомъ; Возняка съ Зоненбергъ; Федотова съ бар. фонъ-деръ-Остенъ-Сакеномъ; Шиктандца съ Гербстомъ; Грубы съ Грубы; Файгенблятъ съ Гезундгейтъ; Есифера съ Михельсономъ; Хахульскаго съ